

Михаил АНТОХИН

Моя лирика

Михаил АНТОХИН

Моя лирика

Г. СУРГУТ

ББК 84.Р6
А 72

*От всей души благодарен
Юрию Ивановичу Важенину,
генеральному директору*

*ООО «Газпром переработка» города Сургута,
депутату окружной Думы ХМАО-ЮГРА,
настоящему русскому человеку,
гражданину, патриоту,
за помощь в издании моей книги
стихотворений «Моя лирика»,*

автор.

ISBN 978-5-87247-580-4

© Михаил Антохин. 2012

От автора

Эта книга складывалась по годовому признаку создания стихотворений.

В неё вошли никогда ранее не появлявшиеся стихотворения, которые были как бы забыты автором и при их обнаружении в чём-то доделывались, но основное содержание оставалось таким же, как на момент создания.

Стихи – это мои дети. Есть умные, есть глупые, есть красивые, есть некрасивые – но они мои дети, и отказываться от них – грех.

Они являются отражением того состояния автора, в котором он был в момент прихода небесного озарения. Уходить от того, что явилось впервые, которое нужно только записать, – есть уход от естества в искусственность, в надуманность, что является обратной стороной услышанного, чувственного.

Не утихает дождь на улице;
Прорвётся луч едва-едва, —
И снова небо кисло хмурится,
И хмурые ползут слова.

Начало августа печальное;
Тепла мы ждали — ан! — возьми.
Так нелюбимо обручальное
Кольцо меж разными людьми.

Но что-то ж подтолкнуло к этому
Позолочёному кольцу?...
Так и теплу, наверно, летнему
Идти, хоть нехотя, к концу

1958 г.

Куплю пальто из дерматина
И шляпу новую куплю,
Сошью рубаху из сатина,
Войду и выложу:
Люблю!

А ты давно меня забыла.
Давным-давно живёшь с другим...
Но что-то грудь твоя забилась,
И по лицу пошли круги,

Как будто камень кем-то брошен
На спящую поверхность вод.
А я стою, не ждан, не прошен,
И не боюсь, что муж придёт.

И ты нисколько не торопишь,
Мол, поживей, застанет муж...
Ничья ты, как лесные тропы
Или Луна в развалих луж.

1957 г.

Всё труднее даётся шаг,
Всё длиннее очередь-годы,
Притомилась моя душа,
Словно птица от непогоды.

Ветер северный гонит муть,
Ночь идёт без вечерней зари,
Еле-еле разводят тьму
Нимбоносные фонари.

То ли явь, то ли кажется мне:
В непролазных этих потёмках
Созревает в небесном огне
То, что скажется на потомках.

1959 г.

Ветер воет и зло, и отчаянно.
На ветвях вымешает злость.
Не целуй меня; я – случайный,
Не любимый, даже не гость.

Я всего лишь на миг, проездом...
Как красива ночная даль.
Над замшелым твоим подъездом
Золотая висит звезда.

На лицо твоё в тихой грусти
Я смотрю и в разрезе глаз
Вижу, как за слёзною густью
Лепестково душа зажглась.

Ах ты свет – голубые муки,
Распалил ты меня до уст,
Словно взял не тебя я в руки,
А черёмухи белый куст.

И такая вокруг лучавость,
И такое сиянье кругом,
Что любая и боль, и случайность
Растворяются в чём-то другом...

Не целуй меня. Завтра снова
В день уйду я, что лугом пропах.
Но навек сохраню твоё слово,
Что успела сказать мне впотьмах.

1959 г.

Я знаю много истин на Земле.
Но есть одна —
Она мне всех дороже
И краше всех других.
Та истина — ЛЮБОВЬ
К Отчизне милой, к матери родной,
К земле, где я свой первый шаг означил;
Где свет и цвет впервые я познал,
Где ощущил впервые влажность рос,
Прохладу трав и пашен теплоту
И сумерек тревожное мерцанье;
Где мама, под коровою присев,
Как сахарное, белым полотенцем
Отёрла расперевшееся вымя,
Наполнила подойник ароматом
И подала мне кружку молока.

1959 г.

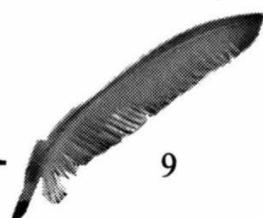

Зелёный мир,
Когда вставало солнце,
Косматым боком в чаще прориаясь,
Привстал на цыпочки, разинул рот и замер,
Дыханье сглатывая, как слону;

На него глядя,
Солнце задержалось,
Из-за Земли наполовину выйдя,
Как девочка глядит поверх стола,
Ручонками за край его цепляясь;

И – ясное,
Чему-то улыбнувшись
И как бы вспомнив что-то про себя,
Продолжило к зениту восхожденье,
Забыв про тех,
С кем только что встречалось.

1959 г.

Нет уже ни любви, ни желаний,
Парус сник навсегда и всерьёз.
Я сгорел на огне страданий,
Ветер по миру прах мой разнёс.

И – о, чудо! Из каждой пылинки
Два прорезались глаза моих.
Закачался я странной былинкой
И корнями вкус крови постиг.

И не только в своей – в чужедальней,
Куда ветер занёс, – стороне
Привкус крови солёно-печальный –
С детства очень знакомый мне.

Никогда и не чьи-то руки,
А твои переделать должны
В слёзы радости – слёзы муки,
В ликование – стон страны!

И не кем-то, не с неба, не свыше,
А тобою и только тобой
Будет создано счастье под крышей,
Соразмерное с бездной любой!

1960 г.

О, лучеликая Россия!
Который век из года в год
Я вижу, как на тощей вые
Сама себе растишь господ.

Простор ли твой тому виною?
Боязнь ли детская лесов?
Не видишь ты, что за спиною,
Всегда вперёд твоё лицо.

На сомневающемся лице
(О, эта маска от беды!)
Написано: без волдыки
Не можешь шагу сделать ты.

И только там, на поле битвы,
Где смерть с тобой глаза в глаза,
Ты чувствуешь острее бритвы,
Что можешь многое сказать!

Но – кончен бой!
И безъязыко,
Как впряженный в телегу вол,
Ты вновь к означенному лицу
Взываешь, чтоб тебя он вёл!

Иль веки у тебя забиты,
Как ставни на ночь у окон?
Иль в памяти твоей забиты
Деяния золотых времён?
Как милостыни,
Ждёшь защиты
У сделанных тобой икон...

1961 г.

Когда ветер вокруг неистовствует,
Когда улица – дикий мрак,
Я весёлую песню наспистываю,
Прохожу по деревне – чудак.

С подворотни собаки склабятся,
Завивая хвосты в кольцо;
Фонари одинокие кланяются
Мне, заглядывая в лицо.

Да метель, как жена чужая,
Убежавшая из тепла,
Поцелуями губы сжигает
И сжигает душу дотла.

1961 г.

Отчего скворец поёт,
Только небо засветилось?
Оттого он и поёт,
Что родился здесь и вырос.

Отчего ручей звенит,
Полон детского веселья?
Оттого он и звенит,
Что бежит в родном ущелье.

Отчего душа светла,
Хоть изрыта чёрной болью?
Оттого она светла,
Что наполнилась любовью

К этим нивам и полям,
К очагу, родному крову,
Ко всему-всему живому,
Что несёт в себе земля.

1961 г.

Как кричали, как кричали
В огороде воробыи!
Словно вихрь, бурьян качали,
Вылетая на бои.
Поводили грозно клювом,
Глаз прищуривали, злясь,
И жалели, что не «плюмбум»
На когтях у них, а грязь.
Ох, и было б этой кошке,
Было б горя и беды...
А пока она сторожко
Спит в чащобе лебеды;
Спит безвинно — сама кротость,
Дремлет чутко, как вражда,
Лишь порою глаза прорезь
Вспыхнет, острыя как сталь;
И от этого от блеска
Воробышки кто куда,
Словно горсть орехов грецких,
Кем-то брошенная вдаль.

1961 г.

Дай мне руку, дай мне белую твою.
Ничего я, ничего не утаю.
Загляну в твои глубинные глаза,
По словечку в тебя выльюсь, как гроза;

Как травинка пред тобою обнажусь.
Луговину в стылых росах покажу;
Знаешь ты, что нету лживости во ржи,
А совру – тогда жестоко накажи,

Выбей почву с-под моих неверных ног,
Милым взглядом покажи мне на порог.
Пусть запрётся за спиной тугая дверь,
Пусть застонет, зарыдает во мне зверь,

Кровь застрянет пусть в венозных узелках,
Почернею пусть, как придорожный прах.
Дай мне руку, дай мне белую твою,
Ничего я, ничего не утаю.

Упаду к твоим ногам, как лист с осин, –
И увидишь только свет и только синь.

1961 г.

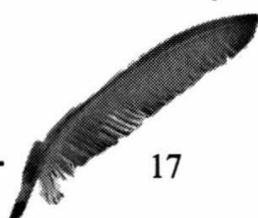

На деревьях всё больше ржавости.
На верхушках – червлёная золотость.
Из закатной багряной загусти
Пробивается инея холодность.
Дым над крышей стоит медвежисто,
Избы духом берёз напоены,
И знобливою утренней свежестью
Все овраги-лога переполнены.
Я по лугу брожу, как по кругу:
Травы жухлые новой проколоты.
Хоть ботинки давно уже мокрые, –
Только ноги не чувствуют холода.
День угрюм. Не рождён, а вымучен,
Солнце где-то за тучками прячется.
Я бы душу об росы вымочил,
Да боюсь, что душа расплачется;
Я деревья прижал бы к груди,
Мол, погрейтесь, ещё настынетесь,
Я бы птичек за пазуху – порхайте,
Я б зверюшкам: чего настыретесь?
Всё живое собрал бы под полу
И сидел бы над ними гнездовицей.
Листья – словно узоры по полу
Недотроги соседки-ковровицы.
И от лёгкой ветровой шалости
Листья рыжие пятятся в шелесте.
Ни печали во мне, ни жалости
К этой высохшей порыжелости.

1961 г.

Ростов, казачество, блокада...
Испепелённый солнцем юг.
Ленивый Дон на перекатах
Целует утлую ладью.
В ночи кликушествуют совы,
Кругом тифозный карантин,
Белогвардейщина к Азову
Спешит, чтоб к Чёрному уйти.
Спешат поротно, и повзводно,
И в одиночку, как воры,
Туда, где призрачно и звёздно
Корабль развёл уже пары.
Где кто-то, может быть, впервые
Кляня двубортную шинель,
Хватает горсточку России,
Сдирая ногти о панель.
Всё брошено, и всё разбито.
И как укор её делам,
Растрескавшиеся копыта
Валяются то здесь, то там...
Продемонстрировав бессилье
Сберечь достоинство и честь,
Заблудшие сыны России,
Куда спешите вы? Зачем?
Что вам в заморье,
В чужеземье
Кто там родня вам?
Кто вам рад?
О, расколовшиеся семьи,
До гроба порознь с братом брат;
Ни Рождства у вас, ни Пасхи,
Ни буйной удали зимы...

А бой курантов башни Спасской
Как добивает: «Правы мы!»
И удручающий, и горький,
Но исторический курьёз:
Холмы могильные – и только!
И те без памяти, без слёз;

Они размытыми краями
Напоминают лишь о том,
Что человек велик корнями,
Что он без Родины – ничто!
Когда проходят над Парижем
Полей российских облака,
Бывает, дождичком побрызжет, –
И всё! И смертная тоска!
И в памяти родных угодий
Давным-давно истёрлись вы;
Ни в сельсовете, ни в приходе –
О вас ни буквы, ни молвы...

1961 г.

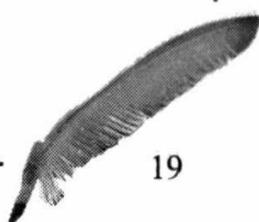
А ты ласкай меня, ласкай,
Всё меньше дней нам остаётся.
Не глянет солнце из-за скал.
И дождь над нами не прольётся.

И золотистая луна
Уйдёт за тучи — нет ей дела;
Воды жемчужная волна
Не обовьётся вокруг тела.

Цветы, нас видя, опадут,
Чтоб в руки старые не даться;
И травы в глубину уйдут,
Чтобы под нами не помяться...

Покуда ж есть для нас двоих
И луговина, и аллеи,
Я не могу без губ твоих
И губ своих не пожалею.

1961 г.

Ещё я с вами не прощаюсь,
Ещё средь вас мне жить и жить...
Но к вам сейчас я обращаюсь
Уже от имени души;

Я обращаюсь к вам: О, други!
Когда не будет здесь меня,
Пусть песнями звенят округи
С рассвета до заката дня;

Я обращаюсь к вам с мольбою:
Как круто ни вертелся б век –
Любовью, лишь одной любовью
Живёт на свете человек;

Я обращаюсь к вам, и сам я,
Пока живу и буду жить,
Сей мир с обычными красами
Любил, люблю, буду любить!

1962 г.

Когда-то жил художник – Рафаэль.
Судя по увереньям дилетантов,
Особым он не обладал талантом,
Сидел в тени, ловил себе форель.

По их словам, он был прибит слегка.
Переводя на век двадцатый – чокнут.
И что парализована рука,
И что вообще он на земле ни к чёрту.

И что он бабник и прелюбодей,
И что на свет пустил он тьму детей,
И что мужья им обольщённых жён
Сошлись на мненье: оспой поражён!

Смеётся он: «Ну, молодцы – балдоны!
А как же быть с Секстинскою Мадонной?»

1962 г.

ОБРАЩЕНИЕ К РЕКЕ

Москва – река,
Какая ты – не видел
И вод твоих в ладони не бравал.
Москва – река,
Ах, матушка, не выдай
И накажи за истовость бравад.
Я не дерзну с тобою поравняться,
Не вечно сердцу двигать крови вал.
Но хочет откровение прорваться:
Над нами дождь один полосовал.
Свобода нас с тобой равняет грешных.
И не плещи: «Ого, куда хватил!»
Ты рвёшься из бетонных набережных,
Как я из коммунальных рвусь квартир.
Модерном доведённая до точки,
К спокойному привычна житью,
Срываешь деревянные мосточки
И бьёшь их вдребезги,
Как утлую ладью.
На мрамор, на чугун швыряешь тину
И рёвом оглушаешь этажи.
Ах, речка, речка,
Ты, как паутина,
Поднимешься,
И сникнешь, и дрожишь.

Пусть городом порыв твой не оправдан,
Но полю нужен он, чтобы цвело!

Какая б ни была на свете правда,
Какая б ни была на свете ложь,
Ты не снесёшь позорного застоя
И тихонького теньканья шагов:
Взлохматишься,
Вскипишь,
Сверкнёшь,
Застонешь
И выйдешь из гранитных берегов!

1962 г.

С холма на холм летит дорога...
И, как ныряльщик с высоты, —
Автомобиль завис немного —
И камнем канул вниз,
В кусты.
И тот, кто держит руль рукою,
И те, кто рядом и за ним
Как бы взмываают над рекою
И как бы падают в залив!
Как маятник —
То вниз, то в гору;
Безостанову — ночь и день:
То внутренности лезут к горлу,
То тело вдавлено в сидень.
Закон всемирного движенья
Уж столько раз испытан мной:
Не прекращается сраженье
Паренья с тяжестью земной!
Жизнь — как глоток.
Не жди, не медли,
Не пей покоя фимиам.
Какие виражи и петли
Судьба закладывает нам?!

И вот, когда уже колёса
Не могут удовлетворить, —
В душе занозой знак вопроса —
Теперь бы крылья, чтоб парить!
И скорость бурей нарастает!
И так блаженно на душе —
Как будто вырвался из стаи,
Как будто замер в выраже,
Как будто розовым и алым

Любви вселенская душа
Пространства мира заполняла
Как бы себя в него дыша;
Из бездны в бездну разметнулась
И в плоть и форму облеклась:
Одно крыло земли коснулось,
Другое – к звёздам унеслось.
О, как размах тех крыл безмерен,
И как могуч и лёгок взмах!
Как глубину души измерить?
Как отыскать пролом в потьмах?
И те, которые не нищи
Ни вдохновеньем, ни душой
Одно мы в этом мире ищем:
Любви желанной и большой...
И если б записью в Завете
Мне не дано было б любить, –
Ни жить не стоило б на свете,
Не стоило б в него входить.

1962 г.

Я сделал только первый шаг
И ощутил в себе до боли:
Не тюрем требует душа,
А очищения и воли.

И вот я, как рубахи ворот
И как на поле борозда,
Раскрыт, распахан и расколот,
И сердце в бездне, как звезда
Мерцает хрупко, одиноко;
Уж не звезда – свечи огонь!
Увидь его хоть чьё-то око,
Хоть кто-то протяни ладонь!

Ужель, отторгнут и отринут,
Бездушьем превращён в мигрень,
Я в пропасти безвестной сгину,
Так никого и не согрев?

Уходят боги и светила...
Всему конец... всему конец...
Куда же, песенная сила,
Тебя стремит, души певец?

1962 г.

Бегут валы за валом вал, как время.
Ничто не в силах их остановить.
Безмолвные вдали –
Ревут на камнях ревмя,
Как на исходном рубеже пехоты нить.

Литые, с металлическим отливом,
О берег бьются вдребезги и в пыль...
Так в бой идут полки,
Строги и молчаливы.
Потом по следу их,
Дрожа, бежит ковыль.

1963 г.

И пою я про то, что пою,
Про иное я петь не умею.
Как люблю я походку твою,
Как люблю твою смуглую шею.

Как люблю золотой завиток
У виска загорелого чайно.
Как пронзает всего меня ток,
Когда встречусь с тобою случайно.

Как хочу я уйти, убежать,
Как зарыться хочу на асфальте...
Как чудесно ресницы дрожат,
Как прильнуло к бедру твоё платье.

Я завидую шелку тому,
Я завидую ветру лихому,
И тебя никогда не пойму,
Что ты можешь достаться другому.

И себя не могу я понять,
Как бегу я от той, что желаю?..
Как горда золотистая прядь,
Что лицом любоваться свисает.

Наберусь ли когда-нибудь сил
Подойти и сказать: «Добрый вечер...»
Видно, кто-то с небес запретил
Говорить мне душевные речи.

1963 г.

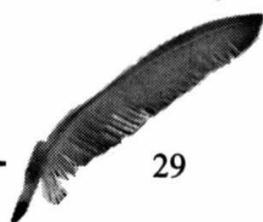

Что оставил людям, уходя?
Из всего ревущего потока,
Хоть бы каплю доброго дождя
В борозду далёкого потомка;

Свежую струю в полдневный зной,
Майский луч в январские морозы,
В засуху целительные грозы
Над моей задумчивой страной.

1963 г.

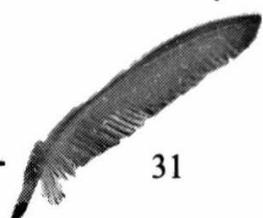
Будто всё как и надо на свете,
Все проблемы навек решены...
Мы, седые, как малые дети,
Забавляемся треском войны.
Будто вдоволь всем синего неба,
Будто все доживём до утра,
Будто рты отвернулись от хлеба
И тела отошли от костра.
Будто слезла гнилая короста,
Рак наружу уполз изнутри...?
Всё легко,
Всё прекрасно,
Всё просто...
Сядь под тенью да в воду смотри!
Но ни в полночь, ни в светлые своды
Нет покоя на этой Земле.
Ищут люди добра и свободы,
Словно зёрнышко ищут в золе.

1963

Я прожил жизнь не по призванью.
И вот, когда уж смерть близка,
Как за измену наказанье –
Самосъеданье и тоска.
Не ту любил;
Не с той был связан;
Не те колени целовал...
Я был во многом безотказан
И всё по капле растерял.
Не те уста меня испили,
Бывало – сам из чуждыих пил.
Меня не многие любили,
И сам я многих не любил
Не оттого, что сердце пусто,
Не оттого, что нелюдим.
Меня влекло иное чувство
К понятиям, совсем иным.
Но и того не знал я толком,
Не обозначил его суть...
И вот сижу и вою волком,
И над собой свершаю суд.

1963 г.

Пустыни в скорбь сжигают лица.
Пугает гром, огнём скребя...
Душа к высокому стремится,
Как осознает лишь себя.

Душе – посланнице Вселенной,
Посланнице иных миров –
Не угрожает мир наш тленный
С величием своих пиров.

Под этим небом вдохновенным,
Переносящим нас с трудом,
Душе дано над телом бренным,
Как птице виться над гнездом.

Душе дано страдать и плакать,
Опровергать и отвергать
И, обменявшихся с небом знаком,
Грозою тело содрогать.

И вспомнит над седой могилой
Потомок, время вороша,
Не то, что тело сотворило,
А то, что сделала душа.

1963 г.

Мои прекрасные друзья!
Пока я не увижу с вами,
Не занимаюсь я делами,
А мне бездельничать нельзя.

Мои прекрасные друзья!
Легко ли, трудно ль вам живётся,
Пусть вам удача улыбнётся,
Скисать и плакать нам нельзя.

Мои прекрасные друзья!
Когда я снова свижусь с вами,
Я угощу вас пирогами,
Иначе нам дружить нельзя.

Мои прекрасные друзья!
Когда мы вместе соберёмся,
Обнимемся и посмеёмся,
И погрустим: вдруг встреча вся?

Мои прекрасные друзья!
Когда кого не станет с нами,
Да не избудет в сердце память
О нём — иначе жить нельзя!

Мои прекрасные друзья!
Я попрошу вас: ради Бога,
Живите яростно и много,
Жить рядом с вами буду я,
Мои прекрасные друзья!

1963 г.

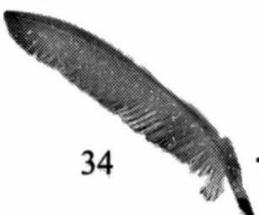
Дорогие мои проказники,
Стучащие стакан о стакан!
Я выпиваю только по праздникам,
Только по праздникам бываю пьян.

Бывает – бываю ещё с получки.
Аванс пропускаю: в аванс не беру –
Не допиваюсь пока до ручки.
Не то, что не нравится: короток рубль.

Дорогие мои сограждане,
Искренне уважающие чужой забор,
Сжальтесь над теми, кто спал под оградами,
Кто не крался к вашему дому, как вор.

Будьте снисходительны и к их жёнам,
Скучающим и стареющим с кем-то другим.
Все эти непьющие хуже прокажёных.
Сжальтесь над ними,
Посочувствуйте им.

1963 г.

Идут три женщины.
О Боже!
Идут — одна другой стройней.
Ну почему я не моложе
День ото дня, а всё старей?!

Ну почему так?
Так певуче
Походка их, изгиб спины,
А я мрачнею, словно туча,
В клоках пожухлой седины;

Я проклинаю это время,
Я ослепить себя хочу
И тяжкое, что камень, бремя
Ненужной старости влачу.

Идут три женщины...
Навечно
Я их вобрал в свои глаза.
А время мчится быстротечно,
Как налетевшая гроза!

1963 г.

Опять осенние мороки,
Опять осенние слова,
От сырости промокли строки,
Как от сплошных дождей трава.

Утеряны и цвет, и свежесть,
Ни запаха, ни вкуса нет;
И, как мертвец с телеги свесясь,
Торчит какой-то бледный свет.

Чем оживить такую пору,
Чтоб засветилась она?
Вот медленно, как воз на гору,
На небо влезает луна.

Любимица до пьедесталов,
Извечный не меняя вид,
Она лениво и устало
На этот мокрый мир глядит.

Но разве эту сырь просветишь?
Лучи увязли в шерсти туч.
Быть может, солнце на рассвете
Разгонит эту темноту.

И, может быть, оно пробудит
В душе моей весёлый звон!..
Спать, спать пора!
Работа – в будни,
А в праздники и ночью – сон!

1963 г.

За туманы, за лапы веток,
Подувесистый листьев прибой
Я уйду в зелёное лето,
Взяв лишь ножик да спички с собой.

Наваляюсь в цветах.
А под вечер
Разожгу невысокий костёр
Так, чтоб ночи на полные плечи
Он горячие руки простёр.

Чтобы обнял её и до света
Задыхалась, как девка, она!
Не помеха им ни комета,
Ни гуляющая луна.

И чтоб сам он, любовью чаруя,
Задыхался и вновь оживал,
И горячим огнём поцелуя
Её звёздное платье сжигал.

1964 г.

Михаилу Шляеву, поэту.

Рок ли это?
Или случайность?
Только был – и уже его нет,
Только пел, только пил очами
Этот край, эту ширь, этот свет.

Только вглядывался в покосы
И, как зёрна, ронял слова.
Покатилась по светлым росам
Удивительная голова...

Но безмолвие длилось мгновенье.
Невпопад, может, но не таясь,
Как рассвет раздвигает края
По небесному мановению,
Вдруг ударила песнь соловья!

Избы сняли замшелые шапки
И сошлись, над поэтом склоняясь;
И пестрели цветов охапки,
Прикрывая кровавую грязь.

1964 г.

Ночь надвигалась.
Близилось дня умиранье.
Люди с работы пришли, сбросив тяжелые робы.
В ветхих жилищах тихо светились герани,
Как звёзды далёкие самой изысканной пробы.

Синий дымок, как вихор,
Над аулом струился.
Ужин варили уставшие за день миряне.
И в этот же миг
Млечный Путь слегка золотился:
Это скакала по звёздам сказочная Мерани.

Усталые люди
Очей своих к небу не подняли,
Они ещё жили губительным грохотом дня.
Скачет Мерани то рядышком, то где-то в отдали,
Серебряной ковкой по звёздам лучистым звения.

1964 г.

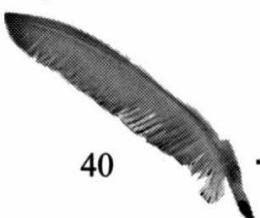
На мир, закрывший веки,
Ночная пала тень.
Как дети, дремлют реки
Под боком деревень.

В чём целый день игрались
И бегали они,
В том тут же разметались
На мягкие огни.

Спустились звёзды с неба,
И месяц к ним сошёл
Краюхой белой хлеба,
Но глянул: спят...
Не счёл

Будить их до рассвета
И сам до той поры
С улыбкою привета
Стоял у детворы.

1964 г.

Никак мне в мире не понять,
Душой щемящей в суть вникая:
Ну почему так рано мать
Стареет, красоту теряя?
Ну почему к её глазам,
Когда они ещё сияют,
Сошли с морщинки?
Иль слезам
Они дорогу преграждают?
Иль мудрость раннюю познав
И наделив нас красотою,
Они до самого поздна
Боролись с нечестью слепою?
Иль скорбь вселенной и земли
Об отзеневшем, невозвратном
На лики милые легли
Неубирающимся знаком?
Иль то? Иль это? Как понять?
Как оценить её утраты?
И почему родная мать
За все грехи земли – расплатой?!

Любви к тебе я не таю,
Смотрю в лицо твоё тревожно,
Да только боль и скорбь твою
Отлить мне в душу невозможно

1964 г.

Кремнистые скалы,
Сиянье луны,
Зурна аксакалов
Печально звенит.
Их голос протяжный,
Как шепот в ночи,
Взывает к отважным
Оставить мечи;
И в ножны кинжалы
Взывает вложить,
И к брату не жалость —
Любовь проявить.
Но голос, что громче
Громовых небес,
Из мук весь и горечи,
Горы разверз:
«Готовы объятья
Мы братьям раскрыть,
Но кто наши братья,
Изволь объяснить?»
И голос обратно
Под говор зурны:
« Вам сёстры и братья
Все те, кто бедны...»
Сказал и умолкнул...
Сиянье Луны...
От крови намокли
Вокруг валуны.
Так тёк век за веком
В резне и крови,
И меж человеков
Не стало любви.

Иное предстало
В глаза мне теперь:
Есть общее стадо,
Не заперта дверь,
Клинки боевые
Заснули в ножнах,
И люди любые
В горах, как в домах.
Повсюду согласье
И дружбы печать:
Народ стал у власти –
И ружья молчат.
Из гор и аулов
Встаёт, как туман,
Коста Хетагуров –
Кунак всех землян.

1964 г.

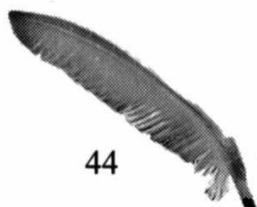

Давиду Кугультинову

Ваш лик печален и печален голос.
И, словно придорожная ковыль,
От пыли бед посеребрился волос.
Как в торжестве – в печали вы правы.
Пытает время беспощадно певчих.
Сто тысяч раз уже подтверждено:
Кто не поёт, тому, конечно, легче,
Но надо петь, коль Богом петь дано.
Пусть тяжело,
Пусть на пределе нервы
И до конца натянута струна.
Простор степей своих вдохнул ты первым,
И вот теперь им дышит вся страна.
Как в языках огней – в тюльпанах степи.
Безбрежным морем марево рябит.
Подковкой счастья к небу лунный серпик
Мерцающими звёздами прибит.
Среди цветов и трав течёт дорога,
Вдали сайгак, как вырезан из мглы.
Седые старики светло и строго
О веке философствуют, мудры.
И гул машин, и сердца крик негромкий,
Восход полей и желтое жнивье
Встаёт из строк за белой книжки кромкой,
Тревожится, печалится, живёт.

1964 г.

Кавказ бурлит.
Он не умолк и нынче,
Не поувяли и снега вершин;
И Терек, в злые лопасти завинчен,
Не растерял своей большой души.

Здесь сохранилось жизни первородство;
И, многим недоступное пока,
Святым огнём сверкает благородство,
Как голова Казбека в облаках.

Здесь мужество
(О нём не скажешь словом!)
И мужественных всех не перечесть.
Всего Кавказа – мужество основа,
Как всех горянок – естество и честь.

Здесь происходит духа очищенье
И очищенье от грехов души.
И всех поэтов целеустремленье –
Достичь строкой сияющих вершин.

1964 г.

Никак не нагляжуясь в твои глаза:
Какая тайна в глуби их скрыта?
Уйду, пройду и возвращусь назад —
Ещё не все сокровища открыты.

Любимая, когда коснётся боль
Твоей души, не тронутой печалью,
Я в этот миг желаю быть с тобой
Наброшенной на плечи тёплой шалью.

Я в этот миг одним лишь обуян:
Познать через глаза всю тайну сердца...
Но в них смотреть равно, что в океан:
Вовек ни до чего недосмотреться.

1964 г.

От суеты, от разговоров,
От недоверия и лжи
Летим, доверившись моторам,
Как бы войдя в другую жизнь.

Пока в полёте – так легко нам.
Не давит груз земных забот.
Такое лишь во сне знакомо,
Когда свершаешь там полёт;

Такое лишь бывает в детстве,
Когда ты вхож в свою толпу,
Когда в родне с тобой, в соседстве
И путь степной, и Млечный Путь.

Но только полосы коснутся
Упруго жёсткие шасси,
Вновь будни над тобой сомкнутся,
Потребовав остаток сил;

В глаза заглянут длинно-длинно:
И ты без ропота поймёшь,
Что не железный, не былинный,
А взвалишь их и понесёшь

До нужной станции, до вехи,
Назначенной тебе судьбой,
Пока навек не смежишь веки
И вознесёшься над собой.

1964 г.

Вы простите меня,
Дорогие потомки.
Даже капля дождя
Оживляет потёмки.
И от искры ума,
Что взлетела не тая,
Раздвигается тьма
Аж до сопок Китая.
И вскрывается явь
На громадном пространстве
Из насилий и язв
И с тенденцией странствий;
От границ до границ,
От народа к народу,
Будто свету зарниц
Нет преград её ходу.

Но как, впрочем, всегда,
И не ради потехи,
Собирается тать,
Примеряет доспех.
И выходит, глумясь,
На большую дорогу
Всевозможная мразь,
Неподсудная Богу.
Рук лохматая шерсть
Свежей кровью облита;
Ёё войска не счесть,
Словно мух у корыта!
Под предлогом любви,
Как любовницу в полночь,
Неугодных давить
Лезет всякая сволочь.

1964 г.

Девчонки подрастают, как грибы.
Беда ли, горе – им и дела нету.
В пятнадцать – ждут ребят у городьбы,
К семнадцати – рожают любимых деток.
Тростиночки! Пушинки на губах!
Во сне восспоминают неженатых.
Высокие – на клеверных стогах,
Великие – на августовских жатвах.
Красивые! Всё впрок им и под силу;
Как травы изумрудней от росы,
Они красивой делают Россию,
Набравши от неё своей красы.
А к двадцати, добрая, возмужают
Да так, что глаз от них не оторвать.
И сыновей красивых нарожают –
Земля учила с детства их рожать.
От ласки их в семье тепло и полно.
Плытвёт по небу света лунный воз;
И дышит жаром облачная полночь,
Чаруя нас видениями грёз.

1965 г.

О, как бескрайно, бесконечно море,
Осыпанное солнцем золотым;
Что кроется в пустом его просторе,
Что скрыто под крылом его тугим?

В иных краях уставши от разбоя,
Оно покорно льнёт к моим ногам
И шепчет мне гекзаметром прибоя
Слова любви, родившиеся там.

1965 г.

Уж был я немолод,
Уже к сорока.
Моя преступленье
Свершила рука.
На праздник богатый
С любимой из жён
Шерифом известным
Я был приглашён.
Шериф тот был складен,
Умён и пригож,
Но дружбу мужскую
Не ставил ни в грош.
Вина было — море!
Хайяму сполна
Мы воздавали
Разливом вина.
На пятом бокале
Шериф опьянел
И с явным желаньем
К жене моей сел.
Потом они вышли
На бархатный двор,
И я вслед за ними
Прокрался, как вор.
И вижу: с желанья,
С вина ли — пьяна?
Шерифа бесстыдно
Целует она!..
В глазах помутнело,
Я громко вздохнул,
Ослепшую бабу
Шериф оттолкнул,

Прошёл по коврам он,
Надменно смеясь,
И месть, как змея,
В моё сердце впилась...
Жена, извиваясь,
Упала к ногам.
Я вынул из ножен
Кривой ятаган...
И вот ни гостей,
Ни его не стыдясь,
На блюде две груди
Лежат, золотясь...
Уж нету шерифа,
Истлела жена;
С тех пор я не вижу
В посудине дна.
Но вижу как прежде
В час ночи и гроз
Её поцелуи,
Что пламенней роз.

1965 г.

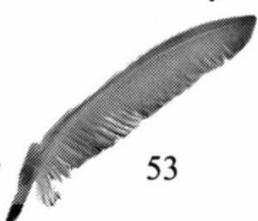
Усталость как конечный результат
Борьбы, исканий, взлётов и падений.
А дальше – тьма, а дальше – рай иль ад.
И никаких мытарств и потрясений.

Я не боюсь забвения и тьмы.
Я труд люблю.
А труд есть жизнь и счастье.
Работают великие умы,
Отодвигая призраков ненастья.

Работают – и это навсегда!
Работой каждый миг очеловечен.
Вся в океане сходится вода –
Он потому неистощим и вечен.

Мы подлежим забвению.
Что с того?
Цветы в букете – кто их все запомнит?
Но аромат, но тонкий дух его
Века живёт в нетленных душах комнат.

1965 г.

У России очи сини,
Светло – русая коса.
От берёзы, от осины
Невозможная краса;
От росы и от туманов,
От широких алых зорь
Перед взором сто обманов,
Подсвеченных бирюзой;
Сто дорог перед ногами,
Сто оврагов и обрыв;
Сто орлов идут кругами,
Солнце крыльями прикрыв.
Что там сто?
Сто сотен! Тыщи!
Полутьмы! И тьмы! И тьмы!
В поднебесье, дальше ищут
Правду русские умы.
Улетая, прилетая,
Собираясь снова в путь,
К светлой шири припадают
Сил и мужества хлебнуть,
Чтобы там, где, ладя дело,
Вдруг придётся умирать,
В очи родина глядела,
Как страдающая мать.

1965 г.

Печаль не скрыть пустой улыбкой;
Печаль, как радуга из глаз,
Сквозит загадочно и зыбко
И тайною чарует нас.

Что в той печали, в том тумане,
За отзвеневшею волной?
Кто вдаль немыслимую манит
Одним кивком, одной струной?

Кто не даёт душе покоя,
Кто боль души развершил,
Кто затуманенной строкою
К себе навек приворожил?

Смотрю в глаза: одни туманы
Клубятся, будто облака;
Одна печаль, одни обманы,
Одна, как санный след, тоска.

1965 г.

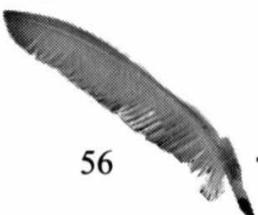
А ветер с визгом вырвался,
Сорвался, как с вожжей.
За огороды ринулся,
За хатами уже.

Дрожит вода озёрная,
Столбом проходит пыль,
Прорвалась туча чёрная,
И прилегла ковыль.

Леса надбровья подняли,
Испуг в больших глазах;
Они пока не поняли:
Откуда к ним гроза?

Дубы надели латы,
Мечи наперевес...
А ветер пал на хату
И под стреху залез.

1965 г.

Я буду умирать и улыбаться.
Не смейтесь, не кощунствуйте, друзья.
Я в памяти у вас хочу остаться
Таким, чтоб подменить меня нельзя.

Неважно, что мы ссорились порою
И что друг друга брали за грудки:
Одной мы по земле прошли тропою,
Одну молитву пели нам гудки.

Одной мечте мы преданы с рожденья:
Любить Отчизну, быть её детьми.
Что этот мир?
Быть может – наважденье?
Тогда что значим в этом мире мы?

Не знаю, как закончить жизнь придётся.
Одно лишь знаю, что в конце пути
Я улыбнусь. И мир мне улыбнётся!
Чего ещё?
Куда ещё грести?

1965 г.

Пришлось мне знать и радости, и боли.
Но сердцем возвращаюсь я опять
Туда, где две берёзки в чистом поле,
Как две подружки, рядышком стоят.

Играет ветер в золотых причёсках,
Звенят, как серьги, листья при Луне:
Ах, милые, ах, белые берёзки,
Какой печалью посланы вы мне?

Ещё никем не смяты ваши платья,
От юных лиц небесный веет свет ...
Земля моя, сыновние объятья
Прими и дай какой-нибудь совет.

Скажи, как быть, когда подступят слёзы,
Когда обратно журавли плывут,
И светлые, как женщины, берёзы
Роняют золотистую листву?

На этом свете нет любви без боли.
И, умирая, я бы хотел опять
Взглянуть на созревающее поле,
Где две берёзки рядышком стоят.

1965 г.

Уходила — обдавала
Спелым зноем и водой,
И как будто оставляла
Всю судьбу со всей бедой;

Будто клала мне на плечи
Тяжесть всю и всю вину.
И катился синий вечер
Камнем брошенным ко дну.

Всё цветасто и красиво:
Ты была — и нет тебя!
Белый конь с густою гривой
Не жалел ничуть себя;

Он летел — и клочья пенны
Остывали на лету;
И скрывалась постепенно
Ты с улыбкою во рту.

Отцвела совсем черешня.
Сладким соком полон плод.
Ты умолкла, словно песня,
Что ушла за поворот.

1965 г.

В вечерних небесах
Вечерний сумрак стыл.
Давно уже пришли коровы с поля,
Давно уж подоили их хозяйки
И тёплые подойники повесив,
Детей уклали в тёплые постели
И сами улеглись к своим мужьям,
Платком прикрывши волосы простые.

Хороший день достоин дивной ночи...
И ночь пришла, как зрелая хозяйка
Лет двадцати семи;
В шелках прохладных,
В серьгах серебряных и кольцах золотых,
Сияющая вся, светящаяся лаской,
И улеглась на тёплый подоконник.

1965 г.

Милая, что же ты, что же
Держишь в ресницах слезу?
Или что день непогожий,
Тени бегут по лицу?
Или на сердце смятенье,
Или тревога в душе?
Эти же самые тени,
Только темнее уже.

Много причин для печали,
Много на свете потерь.
Солнечно было вначале,
Пасмурно стало теперь.
Где-то на подступах выюга
Правит всесилье своё.
Как уберечь нам друг друга.
Как нам уйти от неё?

Тени, тяжелые тени
Хмуро ползут по лицу,
Словно припав на колени,
Дымы в осеннем лесу.

1966 г.

Трава чиста, как девичья улыбка,
Трава свежа, как девичье лицо,
Трава нежна, как вскинутое гибко
Девичьих рук желанное кольцо.

О, как она доверчива и кротка;
Не то, что пальцы, если босиком,
И сапоги целует, хоть на глотку
Ей наступают этим сапогом.

Изломана, изорвана, избита –
Но, росами омытая с утра,
Она хранит в душе своей избыток
Прощения, свеченья и добра.

И как ни мни – она всё хорошее.
И хоть всю жизнь пред ней ты подлецом –
Всё так же нежно тянет руки к шее
И лезет целовать твоё лицо.

1967 г.

На берёзы, на речку,
В заливные луга
Уронила колечко
Золотая Луна;

Бродят кони по лугу,
В гривах вихри сидят,
Под копытами выюги,
Только тронь — загудят!

Жеребец там — красавец
И вожак озорной;
Ноги — буре на зависть, —
Только звон — перезвон!

Кобылица — трёхлеток
Чем не пара ему?
Взгляд её из-за веток
В томной страсти дыму.

Они степи листали,
Убегая одни;
С — под копыт вылетали
Голубые огни;

А потом, лих и звонок,
Словно месяц на льду,
Вдруг заржал жеребёнок
С золотинкой во лбу.

1967 г.

Ни огорченья, ни унынья
В моей душе давно уж нет.
Лишь в сердце раны, как полыньи,
И в них горит страданий свет;

Лишь скорбь о тех, что не вернулись,
И боль о тех, кому уйти.
Как глубоко засели пули,
Как страшны ямы на пути.

И хоть бессильны сожаленья
И вскиды горькие руки –
Из слёз, из праха и из тленья
Восходят новые ростки!

1967 г.

Зари вечерней красотою
Я поражён и потрясён.
Неужто всё это святое
Есть жизнь живая, а не сон?

Неужто в этой позолоте,
В лазурном трепете, в огне,
В неосвязаемом полёте
Янтарных облак в вышине

Осуществилось умиранье,
Как счастья, молодого дня?
Что, что там,
За предельной гранью?
Что ожидает там меня?

1967 г.

И пошёл я от Серапиона.
Что ни шаг мой —
То в поле верста.
Я душевно влюблён в Скорпиона,
Не в того, что в пустыне,
Что — там!
Запрокину я голову к небу
И всмотрюсь в его хвост с-под руки...
А по желтому полю, по хлебу
Изрыгали свой яд пауки.

Гривы рыжие взмыли над полем
И измяли живое всё в прах!
Скорпион содрогнулся от боли
И пропал во вселенских потьмах.
Я же вёрсты всё мерю и мерю,
Ниоткуда иду в никуда.
Может, я и похож на Емелю,
Но чтоб бить или жечь —
Никогда!

1967 г.

Живу надеждой и любовью,
Смотрю открыто и светло.
Какой-то каменном боля
Весь белый свет заволокло.

Нет синевы, и нет просвета.
Один тягучий чёрный мрак,
Где от заката до рассвета
Маячит ядерный кулак.

Опаснее не знать врага нам,
Как будет от самих себя...
Как перед грозным ураганом
Притихла грустная земля.

Ещё живут следы воронок,
Как боль в истерзанных сердцах.
И только звонкий жаворонок
Исходит песней в небесах.

1967 г.

Как стану старым я и скверным,
Вредней козла и сатаны,
Жена подарит мне, наверно,
Пенсионерские штаны.

Я их, коричневого цвета,
Почти в полморя шириной,
Надену и до лазарета
Пойду знакомой стороной.

«

Подруга клёвая там – Клава
Посмотрит на мои штаны
И величаво – будто пава –
Зайдёт с обратной стороны;

Пройдёт, задвигает плечами,
Бедром лукаво колыхнёт:
Видали, мол; и мы с усами,
Надел штаны и не дохнёт.

Ну что ей скажешь, глупой бабе.
Я про себя её ругну
И как-нибудь, нарядный, в шляпе,
В её пределы загляну.

1967 г.

О, вечереющее небо –
Багрянец в черноте угля!
Как срезанная булка хлеба
Ржаного
С жаром по углам.

Как всё просторно и печально,
Всё увяданье налицо.
И меж дерев Луны опальной
Кроваво-красное лицо.

1967 г.

На янтарных кустах облепихи,
Резко высвеченных зарёй,
Ветерок, как дыхание, тихий
Поприсел, не добредши домой.

Знать, большая сморила дорога,
Что вот так, на колючих сухах
Он притих и не слышал, как трогал
Его луч, проходя на руках.

А заря разгоралася резче,
Куст пылал, горячо золотясь.
Но всё так же опущены плечи,
И всё так же бестрепетна ясь;

Или сон ему дивный снился,
Или был он у лета в гостях –
Не дышал, не стонал, не клубился,
Не потягивался, раствя.

Когда ж низкое Солнце к обеду
Подоспело, сбирая постель,

Встрепенулся он! Вспыхнул!
И – следом!
И поднял за собою метель.

1967 г.

Был вечер тих.
Был сад безлюден.
Стоял над миром поздний час.
Вдруг, как негаданное чудо,
Я встретил Вас, я встретил Вас.

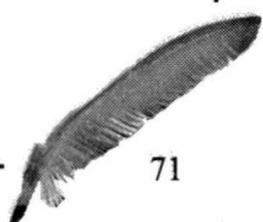
И зацвело всё, и запело,
Защебетало всё во мне.
Душа остывшая теплела
И пропадала в вышине.

Луна торжественно сияла,
Кружил нас в танце лёгкий вальс.
И сердце в сердце так стучало
В который раз, в который раз.

Туман виденья растворился,
Настиг меня печальный час...
Я Вас искал, я так томился
В который раз, в который раз.

Теперь не верю обещаньям,
Не верю блеску дивных глаз...
Брожу, томим воспоминаньем,
В который раз, в который раз.

1968 г.

Ах, Наталья – Наташка,
По заре на щеках!
И прекрасно, и тяжко
Мне с тобою в стихах.

Да и в жизни не легче:
Пусть хоть ночь, хоть заря:
Диковатые плечи
Не отдашь ты зазря.

За мои комплименты,
За весёлый кураж –
Косы – чёрные ленты,
Ты потрогать не дашь.

Парни двери сшибают:
Всё к тебе норовят.
Но лишь ветер спивает
Губ твоих аромат.

Ты откуда такая?
Сон ли это? Обман?
Над водой протекает
Красногрудый туман.

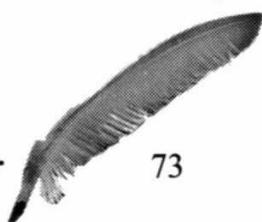
На зелёном, на синем –
Облака да цветы.
От росы, от России
У тебя чистоты;

От неё непокорной
Ни врагам, ни беде,
Твоя сила и гордость
На любой чёрный день.

Ты меня не заметишь:
Много нас, ты – одна,
Как звезда на рассвете,
Чар и тайны полна!

1968 г.

Настанет час, мой друзья,
На кладбище отправлюсь я.
На кладбище мы будем все:
На смену силе и красе
Приходит тлен. А перед ним,
Как ни хотим — не устоим.

Но мир пока ещё громадно
В моих качается глазах,
Я пью его легко и жадно,
С улыбкой счастья на устах!

1968 г.

Хочу быть в горе — одинок,
А в радости — со всеми.
Твоя судьба лежит у ног,
Как коврик у постели.

Есть две руки и две ноги,
А если и душа есть,
Вонзай в стезю свои шаги
Вселенной всей на зависть!

И помни, властвуя судьбой,
В бесславье, в славе ль гордой:
В позоре будь с самим собой,
А в гордости — с народом.

1968 г.

Это озеро талой воды,
Это озеро алых пожаров.
Все мы ходим под сенью беды,
Но хранит нас какая-то жалость.

Это жалость деревьев и нив.
Словно матери в вечной тревоге,
Просветлённые лица склонив,
Тихо смотрят они вдаль дороги.

Все на свете – родная семья,
Все достойны любви и величья,
Хоть у каждого участь своя,
И походка своя, и обличье.

Пусть не обнят руками простор,
Мы душою его обнимаем.
Когда гневом вскипает наш взор,
Мы дыханье небес понимаем.

И тогда – пусть: бывать, не бывать
И неведомое не постигнуть,
Не отплачут ни ива, ни мать
От того, – чтоб пойти и погибнуть.

И зелёный простор охватив
И тая его в пристальном взгляде,
Мы запомним надломленность ив
И рыдающих матерей пряди.

1968 г.

* * *

Не прошедши нищету –
Не познаешь доброту.

* * *

Спросил меня сосед: как, мол, дела?
– А как твои? – ответил я вопросом.
Мы закурили – дымовая мгла
Сокрыла лица двух великороссов.

* * *

Немало в нашем доме мертвяков.
Присмотришься: да живы они, живы!
Не могут только выйти из оков,
Сразившей дух и душу их наживы.

* * *

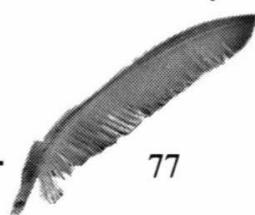
Какая-то баба откуда-то шла,
Нечаянно в свежий бетон забрела
И для потомков оставила след
Не на день, не на год – на множество лет.

* * *

Вождь-демократ освоил толерантность:
У русских отнял он национальность,
За что в народе заслужил хулу,
А у врагов и мзду, и похвалу.

* * *

И лошадь, верная галопу,
Сама туда не побежит.
Чего вы прёте нас в Европу?
Она – духовный инвалид!

* * *

Куда ни тронешь тело — всё болит.
Так изработался — стал инвалид.
Но что об этом? Лучше помолчать:
Одна на лицах россиян печать.

* * *

Как похожи вишни и черешни
По листам, по цвету, по судьбе,
Так и мы с тобой похожи внешне,
Внутренне — мы сами по себе.

* * *

Наш век уродует короста:
То хмырь объявится, то псих.
И хоть он маленьского роста,
А тень бросает на больших!

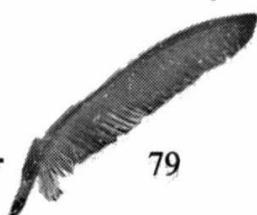

Врезая синь воды и солнца блики,
Бежит корабль под парусом тутим.
Он кажется безбожно невеликим,
Он видится неслыханно нагим.

Не защищённый никакой бронёю,
Открытый, словно детская душа,
Скользит корабль, хранимый белизною,
По ветру белым парусом шурша.

1968 г.

Душа устала. Тело вянет.
Всё выше кажется порог.
Всё каменней и деревянней
Суставы шеи, рук и ног.
Анализы совсем плохие:
То весь в жару, а то дрожу.
Изечно бьющейся стихии
В спокойную перехожу.
Перехожу в окаменелость,
В бесчувственность,
В оглохлость, в тлен.
Колючая окостенелость
Покалывает стенки вен.
Во всём преобладает кальций.
Он, злой сухой материал,
Так чутко помнящие пальцы
Беспамятностью оковал.
Что было яростным, горячим,
Глазастым, мыслящим, большим,
Оборотилось в прах незрячий
И в пласт ушло, как в небо дым.

И, может быть, в потоке тайном,
Пробившимся из глубины,
Частица кальция случайно
Блеснёт на выкате волны.

1968 г.

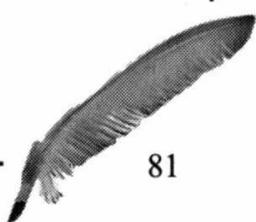

День,
А что-то вечереет;
Небо – жижа меж корней.
Что-то сумрак так густеет –
Всё чернее и черней.

Я бреду в его наплыве,
И куда ни посмотрю:
Тут вот кручка, там вон лыва
И не светит фонарю.

Залипаются ресницы,
Стёрлись улиц номера...
Как сквозь мрак такой пробиться?
Как души не замарать?

1968 г.

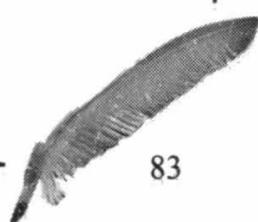
И понял я,
Что я средь вас – чужой,
Что вам плевать
На флаг и на гражданство;
Что родство наших душ
Разделено межой,
Как прежде поле русского крестьянства.
Что вам всего милей
Ваш дом и огород.
Но дорог он и мне,
Да только со страною.
Я не держу собаку у ворот,
Когда ко мне идут с печалью иль бедою.
Я помогу им, чем у меня есть,
Я помогу им нужным тёплым словом...
А вы гребите всё, забыв про долг и честь,
Забыв, что совесть
Есть души основа.
В подвалы ваших душ
Лучу не заглянуть,
И ветру за бетон тот не проникнуть!
Сидите! Плесневейте!!!
В трудный путь –
Все, кто желает к роднику приникнуть!
Собьём колени,
Раздерём стопы...
Но что нам эта боль
С души блаженством!?
Лишь кто идёт, подвержен совершенству,
Остановившиеся –
Все столбы!

1968 г.

Не суждено мне сердцем разобщённым
С моей душою, мыслями, умом
Увидеть то, что надо видеть чёрным,
Как не увидеть ясности в былом.
Былое.., прошлое...
Оно так удалилось
За гору лет, за рыхвины морщин,
Как мака зёрышко, что закатилось
За горизонт, за дикий край лощин.
Оно там прорастёт и веткою зелёной
Неведомый мне мир обогатит...
А ты, потомок мой, мой правнук отдалённый,
Скажи, душа твоя меня простит
За то, что не был я порой сосредоточен,
Что разобщён был в мыслях и делах,
Что на свидание с тобой спешил я очень,
Но не дошёл – и превратился в прах?
Простишь ли чувств моих
Восторженность и мрачность?
А не простишь.., ну, что ж..,
Не буду огорчён...
К тому, чем век мой жил,
Имел я сопричастность
И подставлял ему своё плечо.

1968 г.

Я не люблю компаний шумных,
Где льются тосты и вино,
Где град речей, но нету умных
И их услышать не дано;

Где ложный смех и преклоненья;
И, где напившись до икот,
Целует жён чужих колени
Какой-нибудь высокий «кот»;

Где будто бы не замечая
И видя это невзначай,
Орут сто глоток: «Чаю! Чаю!»
И кто-нибудь приносит чай...

О, ослеплённость, и оглохлость,
И зуд в ладонях: умастить!
И нескончаемая пошлость
Тому, кто выше, — подсластить!

1968 г.

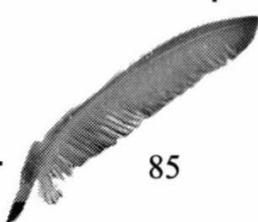

Ах, какая ядрёная
На покосе роса;
Ах, какая солёная
Покатилась слеза;
И такая горячая,
Как упала на лист,
Так прожгла, промаячила —
Аж до чёрной земли.

Мои слёзы горючие
По тебе, по тебе.
Заиграла, замучила
Среди белых небес.
Ни письма нет, ни весточки,
Жду-печалюсь один,
Как листочек на веточке
Ждёт волшебных дождин.

Ночь проходит задворками,
Гладит морды коров.
На заре с перепёлками
Подымусь, нездоров,
В травы спелые, сочные,
Не дождавшись, уйду,
Под косою наточенной,
Может быть, упаду.

1968 г.

Опять дожди. Опять ненастье.
Над речкой плачут берега.
Моё бревенчатое счастье –
Изба, дремавшая века.
Резных наличников узоры
Твоё украсили чело.
Не раз рябиновые зори
Цвели во тьме твоих углов.
Не раз они и потухали,
Стараясь тщетно побороть
Небритые мужичьи хари,
Где над рассудком крепла плоть.
Прощай! Как жалко мне с тобою
Расстаться. Пусть одна слеза
Туман, бредущий за гульбою,
Нагонит на мои глаза.
Мне больно; но хочу поставить
На месте, где стояла ты,
Подслеповатая от ставен,
Дворец высокой красоты!
Чтоб в нём, одолевая грохот
И уходящее любя,
Жила та самая эпоха,
Которая снесла тебя.
Ну а в душе моей навеки
Останутся луга, поля,
Ручьи серебряные, реки,
Сирень, берёзы, тополя.

1969 г.

Ах, поспела, совсем поспела
Золотая на поле рожь.
Может, там тебе нет и дела –
Всё равно ты туда идёшь.

Хмуришь брови и чуб свой хмуришь.
И того не заметил совсем,
Как глаза ты усталые жмуришь
От звенящего солнца в овсе.

Как подносишь ладонь ко лбу ты,
Когда близок закатный час,
И жалеешь, что ты обутый,
Босиком бы тебе сейчас!

О, святое желание детства!
И ботинки слетают с ног!
И как будто волшебное действие,
Застревает меж пальцев комок.

Он щекочет и чуточку колет,
Разжигая в ступнях тепло...
Ах, ты поле, родимое поле,
Твой я, твой перезрелый плод.

1969 г.

Колючие листья осота,
Июльская в лужах луна,
Неяркие эти красоты –
Родная моя сторона.
Жемчужные росы на травах,
Осевший туман на воде,
И грусть, что тяжёлой отравой
Притихла в сухой борозде.
Красивый, как в клеточку, клевер,
Над клевером синий дымок,
И россыпь ромашек, как веер,
Лежит белопенно у ног.
Подсолнуха лик золотистый –
Веснушчатый, рыжий, рябой.
Пришёл я ему поклониться,
Как прежде, бывало, с тобой.
Он смотрит в глаза откровенно,
Двадцатый потомок весны;
Я слышу: как булькают вены,
Далёкого счастья полны.
Закат золотым покрывалом
Обвил серой тучки живот.
... В зелёном, багровом и алом
Прошедшее наше живёт.

1969 г.

Смотрю на небо: синь и сед
Его пространств безмерных цвет.

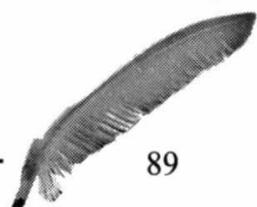
Но и является порой
И грозовым, и боле мрачным,
Как будто душ нечистых рой
Завертелся в вихре брачном.

Как будто то, что без ума,
Но полно ярости и злобы,
На нас обрушилось, как тьма,
И душит, как детей в утробе;

И мы беспомощны пред ним
И ждём податливо и робко,
Когда клокочущая глотка
Заткнётся голосом своим...

Смотрю на небо: солнце, синь
И глубина, как средь осин.

1969 г.

Зима прошла.
Весна свой голос подала.
Капели целый день звенят, как удила.
Всё выше солнца круг.
Проталин острова
Оделя в нежный пух
Зелёная трава.

Эй, пахарь!
Выходи на поле,
Сей зерно.
Работы лучшей
                          Никому
На свете не дано.
Земля жирна,
Черна...
Но нет светлее пота.
Работа на земле –
Есть лучшая работа!

1969 г.

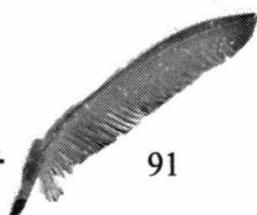

Снова снег пробила трава.
Лужи раскрыли рты
В изумлении.
Жизнь была и будет права
В вечном своём обновлении.

Носится в воздухе древний дух:
Ищет влиться в кого,
Чтоб умножиться.
Почка лопнула в вишнёвом саду –
Просияла вишня,
Как первая роженица.

Белые в небе плывут острова.
Рост и пульс увеличили скорости.
Жизнь была и будет права
Преобладаньем
Души и духовности.

1969 г.

Синий вечер проплыл в угаре.
Небо, словно рябиновый куст.
Я навек тебе благодарен
За хорошее слово из уст.

Милый мой!
В человечьей природе,
Словно тесто в ночной деже,
Неподдельное чувство бродит,
Заплутавшись в лохматой душе.

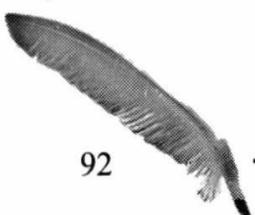
Милый мой!
Так луна косая
Милионы несчитанных лет
В камышах и в траве, босая,
Ищет кем-то оставленный след.

Милый мой,
Ты не видел душу?
Это, знаешь, когда человек
Что-то очень большое наружу
С-под прищуренных выпустит век.

Это что-то от ржи и от хлеба.
Это, знаешь, когда колесом
От земли и до самого неба
Просветлённая ясность во всём.

Милый мой!
Мирозданья основа
Закольцована в нашей крови...
Благодарен тебе за слово,
За хорошее слово любви.

1970 г.

Даль то туманна, то ясна.
Луна то скроется, то выйдет.
Где ты, души моей весна?
Тебя я вспомнил не в обиде.

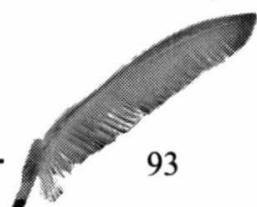
Тебя я вспомнил оттого,
Что в час веселья, в час печальный
Кого я знал, любил кого,
Давно не шлют привет мне дальний;

Давно я лиц не видел их,
Давно я их речей не слушал...
Для откровений роковых
Их так же ль мужественны души?

Что с ними там, в краю ином?
Какие сны теперь им снятся?
Тепло ли, зябко ль за вином,
Всегда ли, редко ль веселятся?

Иль одиноко, как и я,
Над опрокинутым стаканом
О горькой сути бытия
С собою спорят неустанно?

1970 г.

Иль поэтом я родился,
Иль возник во мне поэт?
Метеором озарился
Мой приход на этот свет.

Так могуч и так прекрасен
Вестник бурь и вестник бед.
Промелькнул он и погаснул —
Лишь в глазах оставил след.

Бабка горестно запела:
«Суждено так, видно, быть.
Как глаза я не успела
От него ему прикрыть».

Я ж не плакал! Я смеялся!
И торжествовал, гудя:
«Тайным взглядом обменялся
С небом, только в мир войдя!»

Лишил теперь, уже на склоне
Лет моих и моих дней,
Горько думать, что ладони
Лишней не было у ней.

Лишил теперь душою понял,
Что для муки и для бед,
Словно саблей при погоне,
Полоснул меня тот свет.

...Но ребёнку при рожденье
Не прикрою я глаза,
Чтоб жило в нём наважденье,
Чтоб кипела в нём гроза!

1970 г.

Прошла вторая половина лета.
Сентябрь ветрами грозными грядёт.
В твоих глазах я не нашёл ответа:
В пустыне путник влаги не найдёт.

Ты так цвела и, так, цветя, блистала,
И так желала осень превозмочь,
Что хрупкая душа твоя устала
И надломилась, как черешня в ночь.

В улыбке, и зовущей, и печальной,
Как жизнь грядущая во взорах детворы,
Сиял и расплывался образ дальний
Твоей девической поры.

Его ли замутнить ты не хотела?
Другое ль что-то трогало тебя?
Душа твоя, пылая, холодела,
А тело жадно мучилось, любя.

1970 г.

Есть проблеск декабря и в первом дне осеннем,
И в облике заброшенной межи.
Как мало край родной мы в молодости ценим.
Едва начав ходить, мы от него бежим.

Но, годы проведя в плену далёких странствий,
И опыт обретя, и мир познав большой,
С глазами, полными любви и благодарствий,
Спешим к нему припасть рыдающей душой.

Заброшен в край чужой из милого мне края,
Я пристально вокруг себя гляжу
И чувствую: как много я теряю
И как ничтожно мало нахожу.

1970 г.

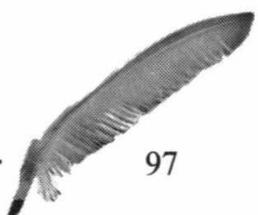

Нет в жизни выходного дня.
За ветреность заплатишь оком.
Смертельный, каменным потоком
Несётся Время на меня.

Всё сокрушая и кроша,
Всё превращая в прах и пепел,
Его бессмертная душа
Одна царит в Вселенском склепе.

Но, умирая каждый миг
И в новой жизни воскресая,
На солнце тени не бросая,
Я славлю светлый этот мир!

1970 г.

*

В природе что-то назревает,
Какой-то мощный перелом,
Какой-то дерзкий Дух витает,
Волнуя ширь небес крылом;
Сдвигает мерки и понятья,
Сметает непотребный хлам
И шлёт жестокие проклятья
Нечеловеческим делам;
Грозит кровавою расправой
За поругание страстей,
Освободить клянётся травы
От тирании всех мастей.
И, сказанное подтверждая,
И ускоряя дела ход,
Как будто бы толпа хмельная,
Вода весенняя бредёт.
Она не знает отворота.
Сощурив мутные глаза,
Не глядя, сдвинула ворота
И, яростная, вышла в сад.
Клокочущая,
В рваной пене,
Как будто что-то поняла
И старые столбов колени
По-дочернему обняла.

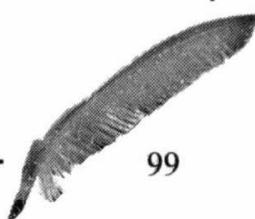
1970 г.

В мире большом и хорошем,
Где солнца – хоть отбавляй,
Плохо оставить калоши,
Если размокла земля;

И тяжелее стократно
Так, что измерить нельзя,
Если уйдут безвозвратно,
Не попрощавшись, друзья.

1970 г.

Железо не восславлю я, невежлив:
Насквозь изрыто сердце моё им.
Я славлю солнце, травы, скрип тележный,
Родной очаг и мирный его дым.

Я славлю то, что было до прихода
Разбоя, войн, убийств и грабежей.
Я славлю миг заката и восхода,
Железо славлю только на меже,

Лишь в борозде, что грудь земли взрезает,
Где вспыхнет жизнь посевов из семян.
А остальное пусть скорей сползает
За край Земли, за Небо, в Океан!

1971 г.

Ничто меня не беспокоит,
Не отягчает и не злит.
И мир, как лампою покой,
Луной неяркою залит.

Нигде ни шороха, ни звука.
На листьях, травах и цветах
Дрожит, как поцелуй разлуки,
Непроходящая мечта.

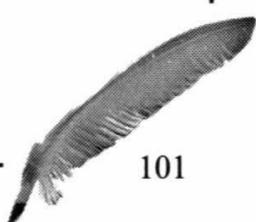
Всё отдыхает от тревоги.
Всё сilitся подняться ввысь.
За поворотом две дороги
Сошлись и снова разошлись.

Спят за обочиной пыреи,
О тишину облокотясь;
Под утро яро росы зреют,
Со звёзд невидимо скатясь.

И краски (сколько их на свете!)
Притихли все и прилегли,
Как наигравшиеся дети,
На тёплом животе земли.

И потому в груди затишье,
И потому душе легко,
Что чья-то выдумка мальчишья
Умчалась выше облаков.

1971 г.

С улыбкой скажете: «Не прав!»
А я уверен в злой примете,
Что существует столько правд,
Что и людей на этом свете;

Она у каждого своя,
И ей поступятся едва ли
И те, что наверху стоят,
И те, что роются в подвале.

Но если выше посмотреть
И от ничтожного отречься,
То правда есть одна, как смерть, —
И от неё не уберечься!

1971 г.

Звёзды смотрят на Землю,
Глаз не сводят с ней.
Их опасенью я внемлю,
Строя жилище своё.

Строю своё я жилище
И на звёзды смотрю.
Что я без звёзд этих?
Нищий,
Равный, по сути, репью.

С ними же — им я и равный.
И это равенство есть
В самом желанном и главном:
Свет до незрячих донесть.

1971 г.

Уж полночь.
Я смотрю в окно
На мир подзвёздный, мир чудесный.
Он кажется прекрасной песней,
Очаровавшей нас давно.

В неподражаемой ночи,
В искристом воздухе морозном
Я слышу, как она звучит
О чём-то дальнем,
Невозможном.

О том вовек мне не узнать
И не приблизиться случайно;
Она нас будет звать и звать
Непостижимой,
Вечной тайной.

Смотрю я в чудное окно:
Не отвести ни глаз, ни слуха;
Во мне вскипают силы духа,
Но мир постичь им не дано.

Как нити — нервы мои рвутся!
Я отхожу и подхожу,
Мгновеньем каждым дорожу
И тороплюсь к нему вернуться.

1971 г.

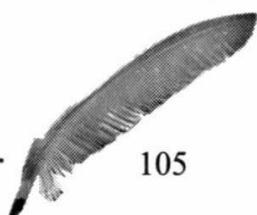

Печаль приходит не одна.
За ней – беда и горе
Идут без крышки и без дна –
Черны, как Чёрно море.

Спасайся, сердце!
На тебя
Идёт всё это войско.
Вот всадники его, трубя,
На вал взошли геройски.

Сейчас,
Сейчас прольётся кровь!
О, как их гнев сверкает!..
А сердце любит...
Лишь любовь
Всё в мире побеждает!

1971 г.

Пыл поутих.
Поулеглись печали.
Почти произведён души ремонт.
Как паруса о ветре заскучали.
Как необъятный манит горизонт.
Уж экипаж давно готов к отплытью,
Угрюмый боцман склянки тихо бьёт...
Лишь капитан, подверженный наитью,
В каюте кофе с красным ромом пьёт.
Он слушает, как Иованта пела:
«Вперёд, вперёд, отважный капитан!
Веди вперёд по ветру каравеллу,
Пересечём ещё меридиан!»
Он знал, что нет победы в промедление.
Но этот голос так его пленил,
Что забывал он море на мгновенье
И в пустоте мелодию ловил.
Под страшным ветром напрягались ванты,
Дрожал корабль, как при смерти больной...
Но капитан лишь голос Иованты
Ловил и видел жест её шальной.

«Вперёд, вперёд по ветру, каравелла,
Пересечём ещё меридиан».
Так золотисто Иованта пела.,,
На мостик поднимался капитан

1973 г.

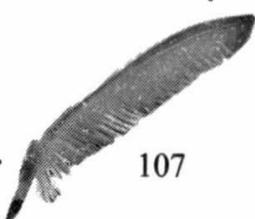

Открывают мир не дважды,
Открывают мир не дважды –
Мир единожды открыт:
Всё из купли и продажи,
Всё из купли и продажи
В этом мире состоит.

Миролюбец и агрессор,
Миролюбец и агрессор –
Все пекутся об одном,
Чтоб о них болтала прессы,
Чтоб о них болтала прессы
Им угодным языком.

Кто имеет рубль и доллар,
Кто имеет рубль и доллар,
Тот заказывает стол.
К их услугам блядь и повар,
К их услугам блядь и повар,
Даже если он осёл!

1973 г.

День начинался необычно:
Кипене света. Пенье птиц. –
Вдруг пасмурно и безразлично
Холодный блеск из-под ресниц...

На мой привет и на улыбку
Она, лишь голову склоня,
Лозой упругою и гибкой
Скользнула мимо от меня

И скрылась.
И в душевной дрожи
Остался, больный до слезы,
Как след на вынеженной коже
От распрямившейся лозы.

И свет исчез. И смолкли птицы...
И день, такой весёлый день,
Стал незаметным и безлицым,
И мрачная повсюду тень.

1974 г.

—————

Привет!
Привет из дальней дали!
Я там, куда придёте вы,
Пройдя сквозь блески и печали
Всепобеждающей молвы.
К тебе я обращаю слово!
Тебе, идущему за мной,
Я незаменная основа
В непостижимости земной.
Ты мысль мою как будто нитку
В себя, иголку, твёрдо вдень
И испытываешь ту же пытку,
Что я испытывал в свой день.
Постигни всё и всё изведай!
Но в мир с собой не привноси
Те нескончаемые беды,
Что вечно живы на Руси.
И если трудно в дали зыбкой
Идти сквозь языки огня,
Возьми лишь нежность и улыбку
Для наступающего дня.

1974 г.

Ей живётся ни горько, ни сладко,
Как траве под копытом коня.
Не жена она больше –
Солдатка
И глаза – два потухших огня.

Я про радости ей толкую,
Про сжигающий сердце огонь.
А она: «Ты видал такую –
Всю в железных мозолях ладонь?
Ей не волосы милого гладить,
Не горячее тело ласкать...

Ей колёса железные ладить
Да железные дыры латать».

Как колосья осенние – брови.
Губы шепчут, что листья шуршат:
«Не до ласок мне, не до любови.
Тело хочет – не хочет душа».

1974 г.

Солгавший раз – не дрогнет и в другой.
Обложит ложью улицу и площадь.
Коль ожил колокольчик под дугой,
Не замолчит, пока не встанет лошадь.

О, ты – достопочтенный вид людской,
Чья совесть гаже общего клозета,
О, как вам не хватает пистолета,
Чтоб неугодных спрятать под доской!

Но что тогда придётся делать вам,
Когда их всех с земли вы уберёте?
Пожалуй, есть друг друга вы начнёте
И съеденных считать по головам.

Земля не кровью будет залита,
А желтою утробною блевотой.
Эй, кляузники! Вы ещё живёте?
Ну, дай вам бог плодиться, как скотам!

1975 г.

ПРОЕЗЖИЙ

Памяти моих друзей
Димы и Тамары Юрченко.

Проезжий!
Гость ты иль не гость.
Поэт, учёный ли, фотограф,
Чтоб не застряла в горле кость,
Оставь на сем столе автограф.
Рукою честною впиши
Хозяевам благодаренье
За их земное притяженье,
За доброту, за жар души.
За то, что ты,
Земной беглец,
Командировками истаскан,
Был ими принят и обласкан,
За человечность, наконец!

1975 г.

Две души родных
Не в силе
Пересилить неприязнь.

Легче сто взорвать Бастилий,
Легче смертную боязнь
Отодвинуть
Твёрдым духом,
Или разумом проткнуть,
Иль глухим гранитным ухом
К бездне алчущей прильнуть...

Две родных души – не птицы,
Не умчатся кто куда...
Будут близостью томиться
Все грядущие года!

1978 г.

Не скажу тебе имени,
Не открою глаза;
Выйдь на озеро Ильмень,
Где под небо лоза;

Выйдь пораньше, под вечер;
Пусть одежда легка;
На дрожливые плечи
Я наброшу закат,

В голубые туманы
Я тебя наряжу;
Млечный Путь вокруг стана,
Не дыша обвязжу,

Дам алмазы на руки,
По звезде для серёг.
Кругогрудые струги
Нам Садко приберёг.

А на стругах – гусляры,
Перезвон серебра.
Бури тёмная ярость
К нам по-братски добра.

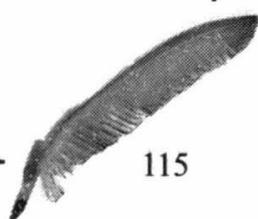
Поплыvём мы по Ильмени
На закат, на рассвет...
Не узнаешь по имени
Пока здесь тебя нет.

А вода уже матовая,
Уж не радует глаз;
Вечер-лавочник сматывает
Приостыvший атлас.

И увозят купцы его
За озёра-моря,
Чтоб за красками индиго
Ярче зreла заря.

1978 г.

Что такое НЕБЫТИЕ?
Одни говорят, что это – сон,
Другие говорят, что это – Смерть.
Я добавлю своё заключение.

– Это – когда душа пуста,
Как кувшин перешедших Сахару;

Это – когда холодна она,
Как зола печенежских кострищ;

Это – когда она бесплодна,
Как гранит под толщею льда.

Человек, имеющий такую душу, –
Живое НЕБЫТИЕ.

1979 г.

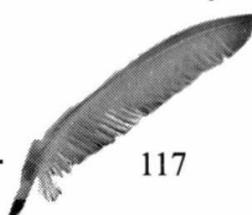

Привет тебе, старый армеец
Кровавых и грозных побед!
За всё, что теперь мы имеем,
Вовек благодарен тебе!

За вольное право трудиться,
За вольную волю дышать
Позволь мне тебе поклониться
И трижды спасибо сказать.

Я лучших друзей не имею
Как тех, что прошли сквозь войну.
Взволнован, стою и немею:
Какую взрастили страну!

1980 г.

СЫЧИ

Им тысяча лет или – боле,
Вернее: бессчёто им лет.
Печальными криками поле
Они оглашают во мгле.

То плачут они, то хохочут,
Пугая нездешней тоской.
Узнать бы: чего они хотят,
Кружась над подгнившей доской?

Их время не трогает.
Мимо
Летит оно, точно стрела...
Из мира, истлевшего мира,
Та, горькая песня, пришла.

Свидетели лет улетевших,
Певцы и скорбители их,
Жильцы хуторов опустевших,
Да будьте вы вечно в живых.

Тоски я не ведаю выше,
Не знаю печальней костров,
Чем глас их на сумрачной крыше,
Когда-то кипевших миров.

1980 г.

Я слышал голос, странный голос.
Он, как остаток мощных сил,
Как на меже забытый колос,
Лучом под небо восходил.
Раздался он среди полночи
В предельно-чуткой тишине –
И был пронзителен,
Как очи,
Смотрящие в затылок мне.
Чьи очи? Я сказать не смею,
Не знаю я владельца их;
И только гнусь и цепенею
От непомерной силы их...
Чей голос?..
Может, свои знаки
Бросала Космосу Земля?..
Молчало всё!
И лишь собаки
Брехали, воя и скуля.
Лежал я. Думал.
Мир надзвёздный,
Как голос тот, звенел во мне...
Луна плела узор свой поздний
Из сонных листьев на стене;
Комар зудел, ходя кругами,
Сверчок сигналы подавал,
И Космос влажными крылами
И овевал, и обнимал.

1984 г.

Как будто и нет ничего,
И будто всего очень много.
Куда? От кого до кого
Ведёт полевая дорога?

Мучная горячая пыль.
И вдоль колеи – подорожник.
А дальше – ковыль да ковыль,
Да ястреб – как беглый острожник.

То шмель, в три мотора ревя,
Заложит вираж возле уха,
То розовый вянет червяк
В пыли тополиного пуха.

Полёвка порой пробежит,
Оставив невнятную строчку,
И марево морем дрожит,
И птица сжимается в точку.

То ржавый обрывок цепи
Лежит одиноко, угрюмо...
Всё глаз норовит подцепить
И в мозг переправить –
обдумать.

1987 г.

Развернули, разворачали
Залежалые снега.
Свадьбы волчьи бродят ночью ли?
Звёзды ль падают с верха?

Иль сохатый, ожидаючи,
Солнце выгляднет пока,
Силой слёженной играючи,
Мял замёрзшие бока?

Месяц, чуя ль ночи вербные,
Рассыпая белый смех,
Лемеха плугов серебряные
Пробовал о лёжкий снег?

Ну а, может, как сговорено,
За село уйдя, впотьмах
Парень, ласками разморенный,
Девку нянчил на руках,

Чтоб не знали и не видели,
Чтоб молва не заплелась.
Чтобы дни следов не выдали,
Буря-вьюга поднялась!

1988 г.

Может, рад ты.
Может, не рад.
Процветаем – ломаются крылья!
Под эгидой культуры – разврат;
Под эгидой свободы – насилие.

Процветает –
Куда ни взгляни
И не рвётся – сколько ни дёргай, –
Круговейной поруки нить
Бесконечная – будто Волга.

Всё затянуто
Мощным узлом.
Не разрубишь железный узел.
Словно кляча – добро подо злом,
Словно спайка – бессрочны узы.

Тут и там –
Как каверны осп,
Тут и там – как проказы осыпь,
Нераскрытие губы просьб,
Глаз отвергнутые вопросы;

Слов несказанных
Вороха,
Чувств клокочущая пучина,
Змеежалых проклятий
Балхаш,
Аарат ножей перочинных!..

Человек!
Прокляни своё зло,
Хоть вложил в него жизнь и усердье,
Возроди на свет ремесло:
Состраданье и милосердье!

1991 г.

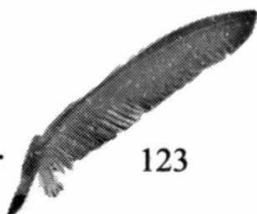
Кругом вражда и произвол,
И гибель нависает тенью.
Но гордо ходит, кто привёл
Страну к беде и запустенью.

Сомкну усталые глаза
И мысли приведу в движенье,
Но не вернут они назад —
От суеты и униженья.

И не увижу я того,
Что сладко радовало око,
Что было мне родней всего,
Теперь немыслимо далёко.

Я точкой в точку низойду.
С высот, оттуда мне виднее:
Как в муках корчится Вандея.
Как Каин празднует в аду.

1991 г.

Христос воскрес из мертвых к жизни.
Услышь, о Господи, мой глас:
Склонись к поруганной Отчизне
И уподобь на дело нас;

И дай нам сил, и разум дай нам,
Очисти сердце от злобы
И приобщи к Вселенской тайне,
И к тайне собственной судьбы;

Промой и душ, и глаз ослепость
Живительной водой дождей;
Мы поняли пути нелепость
И тупоумие вождей.

Победоносец Свят Георгий!
Чтоб нам живьём в гробы не лечь,
Насупротив безбожных оргий
Подъемли свой разящий меч;

Возьми – захочешь сколько – дани.
Вот золото, вот серебро!
Возьми – но выпусти все дряни
Из нас, открыв, как дверь, ребро.

От болтовни пустопорожней,
Чтоб розой плеснь не зацвела:
Благослови нас, Матерь Божья,
Хоть на какие-то дела.

1991 г.

Опять слова... Одни слова –
И пустота, и капля дела;
О, сладкозвучная молва,
Как разрушаешь ты умело!

Как сладко, как легко сказать:
«Я голосую за реформу!»
Как многотрудно, чтоб создать,
Чтоб суть отлить в размер и форму:

Не отступить от красоты,
Действительностью поражаться;
Как придорожные кусты,
За землю – матушку держаться.

Одною жизнью с нею жить,
Одною памятью с ней помнить,
Одной росой уста кропить
И мир одной любовью полнить.

1992 г.

Вот и осень...
Несносная слякоть,
Всхлипы грязи и луж под ногой.
Сердцу свойственно петь или плакать,
Завораживать сутью нагой.

Сердце – МИР.
В нём и веси, и грады;
И вселенские страсти вобрав,
Потаённая улица Правды
С очагами Любви и Добра.

И – как золото – высшая проба!
Волчий глаз – в Иберийских потьмах –
Процветают и Лживость, и Злоба
В подворотнях и тёмных углах.

Две стихии в одном единстве:
Кто преступит и чья возьмёт?
Если в грозном – одна витийстве,
То другую – колотит и гнёт.

1992 г.

Я вас чуть-чуть опередил,
Я вас стремился успокоить.
Ведь кто-то в древности твердил,
Что ночь любви двух жизней стоит!

Я, может быть, не нужен вам.
Да что там, может быть, —
Не нужен!
Не верьте вы моим словам,
Отбросьте их, как стылый ужин.

И, задушевно помолясь
И молча выйдя на дорогу,
Установите вашу связь
Со всеми, кто угоден Богу.

1992 г.

Итак,
Проживаю в гостях:
Живу в счёт родительской славы,
На их пенсионных харчах
Пою о величье державы.
Мне горек подобный финал.
Но большего я недостоин
За то, что подглазный фингал
Принял я, как мразь —
Не как воин.

Они же —
И бомбы ожог,
И зверства конвойных нарядов,
И всё, что наслал на них Бог,
Перенесли так, как надо:
Не выставив боль напоказ,
Не став пред судьбой на колени,
Как выполнившие приказ
Идущих вослед
Поколений!

1992 г.

Эх, какими красивыми были
Храмы да церкви, степь да река.
В смутное время всё загубили,
Всё под корень – и наверняка.

Эх, мастера не работали – тешились:
Глянь на Блаженного, глянь на Кижи!..
Всех ослепили, всех перевешали,
Не пощадили светлейшей души.

Божие Слово губы шептали,
Честью и совестью бились сердца...
Но олигархи всех обобрали –
Совесть смахнули, как муху с лица!

Зори над нами – лесными пожарами.
Нечем обрадовать жаждущий взгляд...
В смутное время друг друга не жалуют:
Раз пристрелили – ещё пристрелят!

1992 г.

Услышит — имеющий уши,
Дойдёт — не жалеющий ног.
Заройте меня вы поглубже,
Чтоб выйти на волю не смог.

Ах, воля, жестокая воля!
Она погубила меня,
Как губит бескрайнее поле
Идущего с ношней коня.

А ноша моя не простая.
Я сам себе выбрал её.
И вот захлебнулся верстами,
И дрогнуло сердце моё.

Заройте, заройте поглубже,
Чтоб никому не достать.
В земле и надёжней, и лучше:
Земля мне — родимая мать!

1992 г.

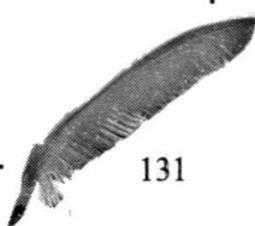

Ночные небеса – какая красота!
Запечатлеть её спешат уста
И шепчут исподволь слова,
Не внять которым,
Которые – ничто перед ночным простором.

И звёздные холмы,
И меж холмов – овраги;
И что я ни скажу – всё это только враки!
Величье таково,
Что все слова – обрубки,
Как место, где был лес
После его порубки.

И в тех красотах – Бог,
Как Мир и Созиданье;
И сердце слышит вздох
И шелест Мирозданья.

1992 г.

Куда ни обернусь –
Повсюду гам и шум,
Противное душе и сердцу предприятие.
И нету ничего, что взволновало б ум,
Что возвышало б дух,
Что возвещало б – братья!

Действительность и жизнь
Пусты и таковы,
Что вызывают злость и неприятие.
Одна и та же спесь бессмысленной молвы,
Одни и те ж толпы ненужные занятья.

И в голове, как столб,
Торчит один вопрос:
Куда идём и что в конце нас ожидает?
И нету ни мечты, ни памяти, ни грёз.
Никто не молится и не рыдает.

Всё высушил обман предшествующих лет,
Всё вынул изнутри и выбросил на свалку.
Живая пустота...
То там, то тут скелет –
Подобно деревам валяются вповалку.

Нас повалил не смерч,
Не Каин и не рок.
И смерть нас обошла далёкой стороною:
Оставил нас Господь,
Покинул нас пророк –
Никто не хочет жить с блудливою страною.

Вернёмся ли в себя и обретём ли вновь,
Что потерять сумели так бездарно?

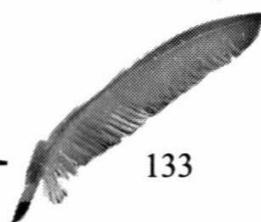
Проснётся ли наш ум,
Очиётся ль наша кровь,
При встрече мутный взгляд
Блеснёт ли лучезарно?

Спешу навстречь толпе, минуя голоса,
Лицо покрыла мертвенная бледность.
Как угли — голодающих глаза;
Как прах могильный — тлеющая бедность.

Мне судорогой сводит гневный рот,
Мне грудь сдавили горы горькой боли...
О, Родина!
О, бедный мой народ!
Доколе же? Доколе же?? Доколе!

Неужто суждено тебе пропасть?
Неужто тихо ляжешь под секиру?
Но это же
Равно
Звезде упасть,
Сиявшей красотою полумиру!

1992 г.

В тишину,
В тишину углублюсь я.
А когда снова выйду на свет,
То, наверно, безумно влюблуся
В гордый бег огнеглазых комет.

Восхищаясь их взором огнистым
И разбегом – откуда?
Куда?
Их дыханьем, высоким и чистым,
Без потуг, без помех, без стыда.

Я в них вижу посланцев Вселенной!
Я их жду как гостей дорогих...
Потому, может,
Так вдохновенно
И живу, и мечтаю о них!

1992 г.

Как в кадушке растворила
Яд сокрытая душа,
Мне жена наговорила
Слов солёных два ковша.

Я их пил. И я их выпил!
И улыбкой, и молчком
Я из рук тот ковшик выбил
Так же ловко, как толчком.

Разлилась вода по полу,
Соль осела на ковре,
Яд скатился по подолу,
Будто камни во дворе.

Что же в сути?
Не убыло
Не прибавилось меня.
А жену жарой палило,
Как жаровню на огнях!

1992 г.

Жена верна иль не верна,
И мужа глаз следит напрасно!
Она подвержена соблазну
В любые суток времена:
Она для многих создана!

И, может, в том её беда,
Что дева – Божие созданье –
Вся – трепетное ожиданье,
Вся – умиление и вражда –
С собой не ладит никогда!

А может, в том её беда,
Что многих лучше и умнее,
Но отказаться не умеет

Гулять в темнеющих садах:
А там – содомы и стада

А там зелёный виноград,
А там цветущая поляна,
Там запах, гибельный и пьяный,
И нету никаких оград,
И так несносен там наряд!

Там розово и голубо:
И сам собой наряд спадает,
И стыд от сердца убегает,
И льётся счастье через боль;
Оттуда не придти собой!

Там упадают этажи,
И к жизни прорастает семя.
И в горсть сжимается там время,
Там блёстки, бабочки, стрижи,
Любовь, и боль, и грех...
Там – жизнь!

1992 г.

Рванулись и — остановились —
Опять глаза потуплены.
Ну и чего же вы добились?
Вы иль больны, или пьяны!
Ведь взоры только что горели,
И руки звали на борьбу.
Ведь только на весь мир гремели —
И вдруг притихли, как в гробу.

Или, себя переполоша,
Ваш пыл завился в облака?
Иль непосильна стала ноша,
Что так казалася легка?
Зачем же, до конца не взвеся
И до черты не рассчитав, —

Вы объявились в разной прессе,
Забывши пристрочить рукав?

Иль вас одели и обули,
И посудили вам кресты?
Зачем народ вы всколыхнули
И тут же спрятались в кусты!
А может, худшее?.. а может,
Народ не принял вашу роль?
Когда по пальцу хлещет молот —
Уже не чувствуется боль!

И пусть не видит в вас злодея
Бедой задавленный народ:
Но мало русского в идее,
А надо бы — наоборот;

А надо бы того, что любо
ЕМУ, не вашей суете.
И его ради, даже губы
Прижать к расплавленной плите!

Ему навязла лжи основа,
Разъела ум его, как моль.
О! Как желает он святого –
Но только кровь вокруг да боль,
Да вы, забывшие все тропы
Из грязных стойл и из закут.
Куда вам, господа, в Европы, –
Вас там затрут и затолкут!

1992 г.

Море солнца, море юга!
Млечно-пепельный лиман.
Как неверная подруга –
Рядом мечется обман.
В чём обман? Да в том, что море
Встало словно на дыбы;
Что волна размоет скоро
Солнца белые столбы;
Что вода густою синькой
Скалы белые зальёт;
Что невыжатой косынкой
Тучка по небу плывёт;
Что настоящий, сосновый
Цвет и кипень на гребнях
Предстаёт загадкой новой
В солнечных июльских днях.
Слева – остров,
Справа – остров,
Острова – перед тобой;
Как иодисто,
Как остро
Пахнет ярусный прибой;
Источает каждый ярус
Прежних странствий
Бытиё...
А вдали
Белеет парус –
Ищет счаствие своё!

1992 г.

Вот этот уголок,
Что вижу я в окно,
На мысль меня навлёк:
Что счастье есть — одно,

Как память в узелке,
Когда её уж нет.
В зелёном уголке
Как счастлив ты, поэт?

В зелёный уголок
Не бросит камень друг:
Таков простой урок,
Таков небесный круг.

На травы, на кусты
Стекает лунный свет...
От глупой суety
Ты защищён, поэт?

Зелёный уголок...
Что лучшего иметь!
Ты словно уголёк
В людской бездушной тьме.

О, ты мой талисман,
Спасение в тебе.
Или ты — злой обман,
Или ты — дар небес!

1992 г.

Не спи,
Не спи до третьих петухов:
Блуждай во мне, как муравей в капусте.
К тебе дойду я строчкою стихов:
Мой томик «буцефалы» не пропустят.
Прости им Бог.
А я давно простил
За зрелые и молодые годы;
Их для того табунщик и растил,
Чтоб затоптать живую суть природы.

Ищи во мне меня,
как прежде я
Искал и не нашёл тебя красивей.
Во всё существованье бытия
Была во мне ты наравне с Россией!
Я этим жив. А прочее — мура!
Раскинет осень красок ярких карты...
Нельзя ни мига вырвать из вчера,
Не извратив гармонии и правды.

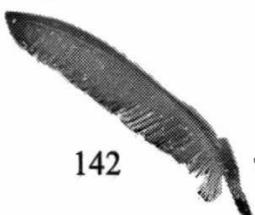
1992 г.

Что женщина,
Коль нет яичников,
Коль ею отрок не рождён?
Произрастает племя хищников
На гребнях дьявольских времён.
Во всё заморское оправлены,
Блестящи, как дворцовый лёд!
Вот только руки окровавлены,
Да зуб о зуб, к несчастью, бьёт.

Да всевозможная возвышенность
Себя над смертною толпой.
Да ножевая независимость
И упоение собой!..
Но из всего апломба прочего,
Что медью красною горит,
Кинжалный взгляд
Закваса волчего
Об их желаньях говорит.

1992 г.

Эта чёрная ночь, как продажа,
Надвигается, кровь будоража;

Гонит сердце толчок за толчком
Кровь – к окраинам, к горлу – ком;

Пробивает, звеня, капилляры,
Где гуляли два дня пивовары;

Где гудели, как кроны вершин,
Мысли под площадями плешина,

Да вставали, как травы, как возгласы,
Золотые и тёмные волосы.

Эта чёрная ночь усмиряла
Пену синего одеяла

И круглилась, как дно кадушки,
На такой же синей подушке,

Где метались две головы,
Как два глаза голодной совы;

Эта ночь, как обвал в горах,
Разметала и пух и прах;

Её гул, как снующий сквозняк,
Всё не может уняться никак!

1992 г.

Берег плоский, как ладони,
Корни сосен – будто пальцы;
И, настоеенный на звоне,
На огне протуберанцев,
Дух сосновый пахнет сладко.
Блики солнца, словно зайчики.
Ах вы, девочки и мальчики,
Я смотрю на вас украдкой.

Я смотрю на вас и думаю:
Как всё в жизни изменилось!
Был весёлым – стал угрюмым я,
А какие дали снились!..
Жгучий юг, дыханье тропиков,
Листья пальм – роскошней веера...
Да скрутил узлом наркотиков
Белый дух большого Севера...

Что-то с вами будет, милые,
Ни о чём ещё не думающие?
Эти берега унылые,
Как собаки след ваш чующие,
Будут всюду вас преследовать,
Будут продолжать погоню,
Искусают вас и – следовательно –
Доведут вас до агонии;
Упадёте вы, как кони
Загнанные. Но – останется
Берег плоский – как ладони,
Корни сосен – словно пальцы.

1992 г.

«Навеяно центральной прессой»

Мафиозный бакинец в Иркутске
Объявляет суверенитет:
Он купил себе право на пуски
Междуконтинентальных ракет.

Армянин – тот размыслил иначе:
Градобойные пушки собрал:
Шантажировать стал и подначивать
Королевство Монако и Болгар.

Стало очень досадно грузину:
«Как же так, – говорит он, – изволь,
Натяну на Цхинвал я резину,
Пока в Африке кончится соль».

Чтобы власть с молотка не раздали
Демократам и прочим таким –
Уголовников кличет Дудаев,
Как когда-то Шамиль и Хаким.

В СССР не нашлося оказий
Погасить Карабахский конфликт...
Вот такие дела на Кавказе,
Каждый там до зубов знаменит!

1992 г.

Не спою я больше песен.
Не спою.
Я давно пропел последнюю свою;
Унеслась она далёко от меня
Звонким топотом горячего коня.
Застонала да завьюжила метель,
Стала жесткой да холодною постель;
Запуржило белым голову мою:
Не пою я больше песен.
Не пою.

Обложила долгим холодом зима:
Завывает, сводит с разума-ума;
Дышат песни мои грустью да тоской;
Был я молод, был я весел,
Стал такой.
Была радостной да хмельной голова.
Отливали серебром живым слова.
А теперь лишь боль да горечь на душе...
Я пропел свои весёлые уже.

1992 г.

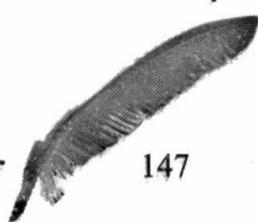

Улетела и не вернулась.
Плачь не плачь и грусти не грусти.
Что-то в доме перевернулось –
Отвалилось мясо с кости.

Видно, в порче была утроба.
Плод не вызрел,
До срока пал.
Мы всё время трёмся у гроба,
Как у доменной печки – металл.

Кто-то раньше,
А кто-то позже.
Только участь у всех одна...
Я прошу Тебя,
Святый Боже,
Дай любви и веры сполна.

1992 г.

Когда вождям невмоготу,
Когда народ сказал:
«Бастую!»

Вожди ступают за черту,
Опасную и роковую.

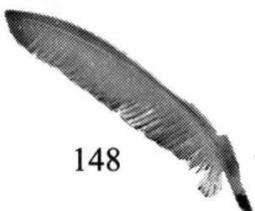
Но – не снижаясь ни на гран
С той высоты, что дал народ им,
Они,
Как с телом инородным,
Готовы с ним же –
На таран!

Идёт негласная игра:
Два уровня друг против друга
Кипят,
Качаются упруго:
Кто первым
Переступит грань?

Так в небе
Сталкиваются два
Рождённых
Божьей волей смерча!
И – даже
Кто от них далече –
В плечах сникает голова!

Смотрю
На общий их успех,
На заверительные дозы,
И прорастает смех сквозь слёзы,
И слёзы катятся сквозь смех.

1993 г.

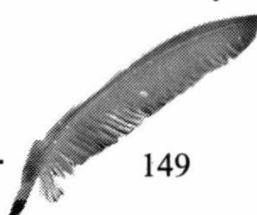

Нет оправданья нам.
Но есть одно: проклятье!
Не только на Земле –
И там, где нет Земли.
Ни рая и ни роз –
Достойны мы – распятья,
Сожженья на костре,
Забвения в пыли!

За что сурово так
И резко наказанье?
Тщеславный человек!
Взгляни вокруг себя:
Чему равно твоё
На небо притязанье?
Чего ты ждёшь любви
Другого не любя?

И в Космосе, и здесь,
Где ты, считаясь богом,
Как сам себя порой
Способен величать,
Ты – немощен,
Ты – слаб,
Ты даже пред порогом,
Пред очагом своим –
Как на ветру свеча!

И Космос, и тот Свет
Грозны и грандиозны,
Они тебя ни знать,
Ни ведать не хотят.

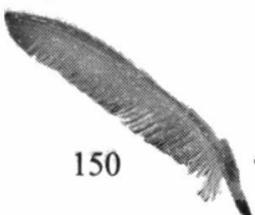

Забыли, что ты есть,
Слепой и одиозный,
Ты им как комплимент
Для жареных цыплят!

Ты был бы смазан в прах
Одним воображеньем
Не знающих границ
Вселенского Творца...

Но он тебя забыл...
Веди с собой сраженье –
И нет твоей стезе
Достойного конца.

1993 г.

И стал сгущаться полумрак,
И стал он полным мраком,
Как будто холст водой набряк,
Как степь созревшим маком.

Куда ни глянь – просвета нет!
Пещера. Подземелье.
А было: рядом был сосед,
И пир был, и похмелье.

И голос был.
Он так звучал,
Так звал идти куда-то;
В виски и в душу он стучал
И тихо, и набатом,

И постепенно отлетал,
Отодвигался мраком.
Так покрываются кристалл
Бездушным чёрным лаком.

1993 г.

Голова моя что ли свихнулась,
Ум за разум что ли зашёл,
Иль Вселенная поперхнулась,
Разглядев под собой произвол?

Даже, может, не под собою.
А внутри, как бы в чреве, в себе
Небывалых масштабов разбои
Под прикрытием синих небес.

Бушевали какие-то орды,
Изыгали дымы и огонь,
И за то им – и ордер, и орден,
И улыбчиво жали ладонь!

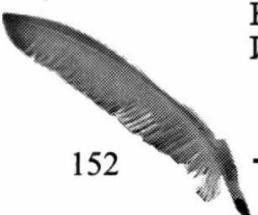
Им на шеи бросались дамы,
Так приветствуя, так любя...
А за ними – трагедии, драмы,
Кровью харкавшие из себя!

А за ними –
полмира
Коленno
Руки вскидывали к богам!
Вопли вспыхивали мгновенно,
Зажигаясь то здесь, то там.

А от воплей срывались звёзды,
Пыль по Млечному – будто смерч!
И не слышно – не только за вёрсты –
Перед ухом живую Речь!

Так гудело, так дребезжало –
К потолку подбирался пол.
Всё живое врассыпь бежало,
И над ним будто рок – произвол.

1993 г.

В небе железное звяканье:
Точит гром ремесло.
Кончилось время карканья –
Время работы пришло!
Эй! Засучите рукавчики,
Ввинчивайтесь в бытие!
Юные девочки,
Мальчики,
Стройте своё житье!
Пренебрегайте прорехами,
Если увидел ваш глаз.
Были мы неумехами –
Станьте вы лучше нас!
Не заглушайте голоса,
Если он даже – писк;
В мире всего два полюса –
Выбрать свой
Торопись!

Выбрав,
Не делайте вотчины:
Акт присвоения – смерть!
Каждому хочется очень
Тайну свою
Иметь.
К ней
(из разваленной обуви)
Голой стопой по щебню,
Кровью давая отповедь,
С чистым причастием
Ко дню
Шествуйте,
Мучась сомнением:
Так и туда ли идём?
Честью и благоговением
Полните
Отчий Дом!

1989 г.

Какие нынче облака!
Я не видал подобных облак.
Любимая, ты далека –
Но ясно видится твой облик.

Я низко кланяюсь Луне,
Смотрю на звёзды, как опальный:
Любимая, твой образ мне –
Как юности глоток прощальный.

Какие нынче облака;
Как в Лондоне и как в Париже;
Любимая, ты далека, –
Но знать тебя не знал я
Ближе.

1993 г.

С тобой мы на окраине России,
Где всходит солнце, хоть его и нет.
Места здесь удивительно красивы,
Особенно, когда встаёт рассвет.
И пусть пурга звереет за окошком,
И пусть фонарь нам кажется крестом,
Мой друг, нажарим мы с тобой картошки
На постном масле и нальём по сто.

Но прежде, чем по стопке опрокинуть –
Мы вспомним тех, кто в Центре, кто в тепле;
Их вспомним, чтобы нам самим не сгинуть,
Не затеряться и не околеть.
И мы с тобой нажарим, друг, картошки
На постном масле и нальём по сто, –
И пусть пурга звереет за окошком,
И пусть фонарь нам кажется крестом.

Других сто грамм поднимем за таких же,
Таких, как мы, бездомников-бродяг,
Но только на Канарах и на Фиджах,
На гребнях океанских передряг.
И пусть пурга звереет за окошком,
И пусть фонарь нам кажется крестом, –
А мы с тобой нажарим, друг, картошки
На постном масле и нальём по сто.

А в третий раз поднимем за себя мы:
Дай Бог нам быть, дай Бог до ста дожить
Товарищами, братьями, друзьями –
И ни о чём на свете не тужить;
И мы с тобой пожарим, друг, картошки
На постном масле и нальём по сто:
И пусть пурга звереет за окошком,
И пусть фонарь нам кажется крестом.

1994 г.

В дни непогоды глухие,
Сути когда не понять,
Дико бушует стихия –
Кто её может унять?!

В общем-то пресная рожа
С долгим застоем крови.
Как на неё ты похожа
В огненно-страстной любви!

1994 г.

Всё идёт прекрасно.
По уму.
Люди улыбаются друг другу...
Вдруг: смотрю вокруг и не пойму:
Точно буря вздыбила округу!

Как сухие плети поздних гряд,
Поднялись и вытянулись нервы;
С языка – потоком гром и яд,
Как пустые банки с-под консервов.

Нету лиц!
В глазах, в крови, киша,
Ходит злоба фронтом и парадом;
Полоса за полосой
Душа
Выбивается, как поле градом!

Отдалился ближний,
Нет жены,
Дети бесприютны, одиноки...
Как разлом скалы,
Обнажены
Страсти человечьи и пороки.

Улетел за тридевять покой.
Смерть и ад бок о бок,
По соседству...
Так себя самих
своей рукой
Не к зверью отбрасываем –
К зверству!

1994, 2010 гг.

Хотел убить я комара,
Раздвинул рук ладони –
И хлопнул! И кричу: «Ур-ра!»
А он под ухом стонет.
Он проскользнул, словно игла,
Сквозь яростные пальцы
И тонким сгустком, будто мгла,
В луче свечи купается.
Ну, думаю, милок, постой –
И вновь кидаюсь махом.
Разжал кулак, а он пустой –
Без головы папаха!
Уже не помню я себя,
Уж не считаюсь с саном,
А он то здесь, то там трубя
Летает неустанно!
Я снял рубаху и штаны,
Облегчил к битве тело,
Вдоль потолка и вдоль стены
Стегаю ошалело;
Хлещу ладонью о ладонь,
Хлещу по лбу, по шее. –
А он под самый нос: «Пардон!»
Давай, мол, веселее!
Мечусь волчком, верчусь юлой,
И пот с меня – потоком!
Не выдержал – и тяжело
Свалился на пол боком!..
Лежу я – начисто убит.
Как бубен, сердце бьётся!
А он летает, он зудит
И, кажется, смеётся!

1994 г.

Опять случилось что-то с проводами.
Молчит Москва,
Молчит ночной эфир...
Замученный работой и долгами,
Безрадостно взираю я на мир.

Смотрю без спеси,
Без очков и басен;
Отбрасываю признанный курсив...
О, как хорош!..
О, как он был прекрасен,
Ликующ, незлоблив и громогласен,
Когда я сам был молод и красив!

Плевать мне на борьбу идеологий,
Плевать на то, что не пришлось толстеть.
Нас было много,
Было очень много,
Которым больно за страну и честь.

Я делал дело.
Тихо делал дело,
Которое текло в незримый рот.
Но что-то в голове крутило и вертело,
Как зимняя позёмка у ворот.

Мела позёмка. Выросли сугробы.
А снег всё падал,
Очень крупный снег.
Так исподволь копятся глыбы злобы,
Чтобы потом обрушиться на всех!

Но не пришлось упасть им.
Уцелели
Идущих рядом множества голов.
Душа совсем к другой тянулась цели:
Душа – есть птица,
А не птицелов!

1994, 2010 гг.

Всё кончено.
Не вспыхнет буйный взгляд.
Кинжал в былой руке
Не щёлкнет лезвьем в ножны.
Утекшая вода не притечёт назад,
И прежнее свиданье невозможнo.

Теперь и небеса
Унылей и темней.
И блеск росы – как сталь.
И холодно, и больно.
Цепочка рваная осенних журавлей
За ватный горизонт пробилася игольно.

Куда-то в пустоту
Скользят за часом час.
И каждый час и миг чем позже,
Тем капризней.
Мой милый старый друг,
Что было жизни в нас –
Разлилась,
Растеклась
В сменившие нас жизни.

1994 г.

Бурлит приезжими столица,
Как на воде девятый вал;
Когда-то прёзренные лица
Теперь в столице правят бал!

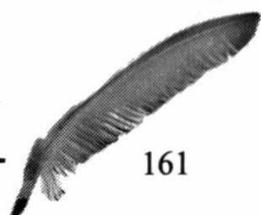
Уж от властей не убегает
Их богомерзкая толпа,
Их президент оберегает
И делает пред ними «па!».

Он их желанья осязает,
Боясь некстати огорчить,
И по-пластунски подползает,
Дабы полушишку получить.

Он охраняет их покой,
Чтоб жили в холе и тепле.
А русские – опять изгои
На собственной своей земле!

1994 г.

1

Леса и сада безлистость,
Тёмное темя пруда,
Серого неба безликость,
Стонущие провода...

Стонут на ветре былинки,
И с проводами в родстве,
Словно справляют поминки
По облетевшей листве.

Тучек мягкое олово
Цедится сквозь решето...
Кто-то положит голову –
Да не известно за что?

1996 г.

Да! Нету у него жены.
Иль Бог не дал? Иль сам не взял?
Все жёны так заземлены,
И так небесен идеал!
Он, может, за Кассиопеей
И ждёт поэта своего...

А свет пьянеет, свет тупеет
И не упустит своего!
Готов разбиться, распластаться,
Но дёрнуть, дёрнуть сталь курка!
Есть шанс – за век свой рассчитаться
И за грядущие века;
Есть шанс – теперь, сейчас добиться
Того, чего досель не мог!..
Поэт – не сволочь, не убийца,
Его рукою правит Бог.
И Он, Всеизвящий, не позволит,
Чтоб Дух, Им посланный любить,
Мог по своей – не Божьей воле –
Пусть даже грешника убить!..

У него не было жены.
Ни сам не взял, ни Бог не дал.
Все жёны так заземлены,
И так небесен идеал!
Качнулся сумрачный Казбек,
Ледник хрустнул в зубах излук,
Слезами всех небесных рек
Его оплакивал Машук.

1996 г.

Не вкушай и на зуб не пробуй,
Выплюнь на пол и разотри...
Атлетические микробы
Раздерут тебя изнутри.

Что ты значишь пред ними,
Хилый,
Пестицидно-нитратный ком?
На тебя даже жаль могилы –
Пропадай себе под окном!

Ни себе, ни другим покою
Во вселенной ты не создал.
Отвергает тебя покойник,
Отвергает тебя звезда.

Для чего ты на свет явился,
Если свету противен стал?
Как ты, мученик, истомился!
Как ты сам себя исхлестал!

1997 г.

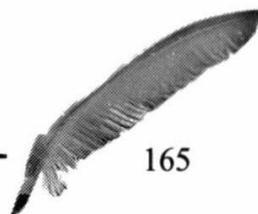

Перестали друг другу сниться,
А ведь снились в глухой ночи...
Что там?
Или отставшая птица,
Иль заблудшее сердце кричит?

Уж не тот ли сбился с дороги
И утратил манящий свет,
Кто ещё сидит на пороге
Под покровом родных тенет?

Не пойдёт он.
Огни поднебесья
Затмевают ему глаза;
Не приснится он — хоть убейся,
Хоть пролейся, как в мае гроза.

1997 г.

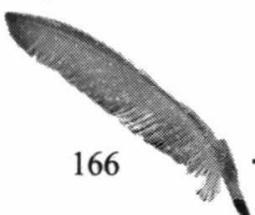

Я совсем ухожу,
Навсегда, навсегда.
Я с мечтою дружу,
Как с откосом вода.
Как рассветный восток
Красит камня щеку,
Как воздушный поток.
Я его обтеку.

Зацелую его
Золотые пески...
Я уйду от всего –
Только не от тоски;
Она в сердце моём
Глубоко-глубоко;
Так и ходим вдвоём
Под крылом облаков.

2000 г.

Вожди нас бросили во тьму,
«Братки» нас тут же подобрали.
Поочерёдно обобрали
И те, и эти...
Не пойму,

Как можно с каждого из нас
Содрать две шкуры в одночасье?
Наверно, радужное счастье
Им улыбнулось в этот час.

Теперь ни этим и ни тем
Не нужны мы. И – в землю очи,
Зажатые меж двух систем,
Стоим и молча кровоточим.

2001 г.

Когда в вашем сердце живёт Божий дар,
Неважно, как звать вас: Чубайс иль Гайдар.
Неважно и то, на каком вы посту,
Когда проповедуете доброту,
И, освещённые вашим вниманьем,
Люди относятся к вам с пониманьем.

Они вас пытаются боготворить
За то, что добро вы способны творить;
И в рай вас готовы отправить они,
Когда на земле истекут ваши дни...

Но если вы вместе, Гайдар и Чубайс,
Терзаете души, как тигр или барс,
И ввергли страну в разор, в униженье,
Какие вам почести и уваженье?!

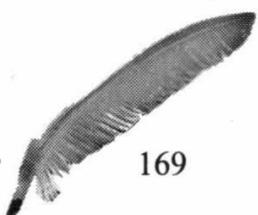
Знать, в ваших сердцах не расцвёл Божий дар,
И звать потому вас: Чубайс и Гайдар!

2002 г.

Да! Ты, Америка, права
В своём разнузданном угаре.
В тебе не мысли – дерева,
Где нету места Божьей твари.
Всех норовишь ты подчинить
Своей натуре бездуховной;
Всех ты стремишься обличить
С позиции своей верховной.
Ты всё сметаешь на пути,
Гремя оружием по Миру...
К тебе уже не подойти
Несущему святую Лиру.
И ты свой утончённый слух
Ласкаешь воплем убиенных,
И отступает Божий Дух,
Смотря на кровью пресыщенных.

2002 г.

А после первых петухов
Входили в хаты, как врастали.
Ремень из кожи не пухов,
И нас частенько им хлестали.

Но забывали до утра
В ночи полученную трёпку
И вновь сидели у костра
И дули постную похлёбку;

Мы ели, словно не кормил
Никто нас пищею чудесней...
О, как блистал волшебный мир:
И наш – земной, и тот – небесный!

Каков был адский аппетит!
И мы решали поимённо:
Никто – ни в жизнь – не запретит
Смотреть на звёздные знамёна!

Мы расходились по утру
Додрёмывать на сеновале...
И – каждый – брали по костру
И молча в изголовье клали.

2002 г.

Как мне хочется руки разжать,
Как душа моя рвётся на волю,
Как хочу босиком пробежать
По июльскому тёплому полю.

В травы льётся небесная синь,
На лицо моё льется, на плечи;
В мире много лесов и пустынь,
В сердце много тоски человечьей.

Каждый хочет уйти от неё,
Да не каждому это даётся;
Словно зная томленье моё,
Надо мной птаха Божия вьётся,

Словно хочет сказать: «Человек,
Ты ведь сам отказался от воли;
Посмотри на течение рек,
Окунись в луговое раздолье;

Кто дождям приходить запретит,
Муравья кто не пустит к застолью?
Кто удержит меня взаперти,
Если я берегу свою волю?»

Я смотрю на неё: что сказать,
Что ответить весёлой певунье?
Мне от песни её благодать
Льётся в душу,
Как свет в полнолуние.

2002 г.

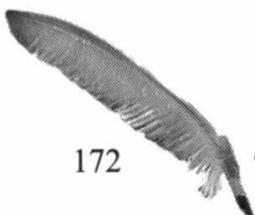

Люблю весну в начале ноября.
Зачем холодная мне и гнилая осень?
Проходят тучи, весело паря,
Зануда-ветер на руках их носит.

Довольны положением своим,
Они до слёз смеются, развлекаясь нами;
Из нас ведь каждый, сыростью томим,
Не хочет расставаться с очагами.

Ноябрь.
Какая сырость на дворе!
А ветер тучи жмёт, склоняя их к лобзанию.
Слезятся стёкла. В сей сырой поре
У туч пропали встречные желанья.

2002 г.

Вот я в гости пришёл к воробью
И хохлатому попугаю.
У меня не берут интервью –
Мною чаще детей пугают.

Тише, мол, ходит дед с бородой
И нахмуренными бровями;
Весь седой и повит бедой –
Он вас мигом утащит к яме.

Так идут мои тихие дни
Без внимания и покоя.
А у птиц я в почёте.
Они,
Как и я, средь людей – изгои.

2002 г.

СТРОФЫ

Я наблюдаю за умом:
Мой ум как необжитый дом;
А если бы тот дом обжить?
Но вредоносно ворожить!

* * *

Врата небес и клеть острожья.
Что есть мирское и что Божье?

* * *

Ночь декабря до удивленья
Долга, как русское терпенье.
А ночь июля коротка,
Как гениальная строка.

* * *

Спросил у брата как-то брат:
«Чему ты, брат, безмерно рад?»
Ответил брату брат: «Тому,
Что я не должен никому!»

* * *

Богатый женится на ровне,
Раба выходит за раба,
И только траурные дровни
Везут, не ведая, гроба.

* * *

Я от мести далёк; нет на сердце обид;
Уголёк отгорев, тут же всеми забыт;
То же будет со мной; чем я лучше его?
Как и он, не жалел я тепла своего.

* * *

Не беден, не богат, как тысячи других,
Не видел от властей подарков дорогих:
Не только дорогих – не слышал даже слова,
Чтоб захотелось мне сюда вернуться снова.

* * *

Когда душа и ум в согласии живут –
Прелестных множество на их пути минут.
Когда они в расстройстве и в разладе –
На всём пути то рытвины, то пади.

* * *

Брожу по городу; вдыхаю пыль и гарь;
Так тяжек дым, так густ, что не блестит фонарь.
Я кашлем надорвал грудь, горло и бока.
И слава небесам, что жив ещё пока.

* * *

Проходит стороной любимая моя.
Так, не смягчая зной, обходит дождь края,
Где семя влаги ждёт, желая прорости,
Но, видно, счастья нет на избранном пути.

* * *

Собачье – волчая пора;
Тоска со скучой вперемешку.
Лишь крыша скотного двора
Таит лукавую усмешку.

* * *

О русский человек – заблудшая овца.
И мать тебе не мать, и веры нет в отца;
Ты сам себе – изгой; убог и одинок,
Не хочешь ты понять, как духом ты высок!

* * *

Моей стране, красивой, но несчастной,
Наверно, потому и тяжело,
Что правящие ею к ней бесстрастны
И в их сердцах к ней ни любовь, ни зло.

* * *

Есть зубы у тебя – держи язык за ними,
Чтобы не спорить зря с чужими и своими
Они для языка, что для скота ограда,
Чтоб воду не мутить, не гадить, где не надо.

* * *

Издревле слышен глас: «Не сотвори кумира»
Рассудок мой увяз в непониманье мира;
В рассрочку мне даны прекрасные мгновенья,
Истаяли они – но не пришло прозренье.

* * *

Осёл и Соловей – как рассказал Крылов –
Друг друга не могли понять без нужных слов;
Мы нужные слова нашли для пониманья –
Друг друга понимать не стало вдруг желанья.

* * *

О Господи! Вот Тебе явный укор:
Во мне Ты свой образ отдал на позор.
С меня, как потомкам моим в назиданье –
Смеются и люди, и всё Мирозданье.

* * *

Небо, скажи мне: моя ли вина,
Что тайна познания мне не дана?
Тобою я создан, обласкан тобою –
Но ничего не поделать с судьбою.

* * *

Когда, разбит судьбою,
Идёшь дорогой дальней,
Посмейся над собою,
И станет всё нормально.

* * *

Небо. Звёзды. Луна.
Вод хрустальных струя...
Все торопятся пить из ручья бытия.
Про запас набирают целительной влаги...
А идущие вслед – оформляют бумаги.

* * *

И все пытаются учить,
И купоросить, и вопросить.
О Небо, где те кирпичи,
Чтоб их на головы им сбросить?

* * *

Уже нет никого тех, что пили со мной:
Кого холод убил, иссушил кого зной.
Отшумели, отпьянствовали, отлюбили
И тихонько ушли на всемирный покой.

* * *

Идём, ковыляя, по скверной дороге.
В мозолях, в порезах усталые ноги;
В таких же порезах и наши сердца –
Не видно дороги и муки конца.

* * *

Весь мир во власти злых и смелых,
Вползающих на пьедестал.
И тот, кто был правее левых,
Теперь левее правых стал.

* * *

Край света... Но где он? Смотрю вокруг себя.
Край света мне там, где не видно тебя;
Край света мне там, где порой одинок,
Стою – и молчит телефонный звонок.

* * *

Я слушать вас пришёл – показывайте речь.
Невинной головы не отсекает меч.
Но если в речи слов, как в таянья воды,
Ничто вас не спасёт от праведной беды.

* * *

Когда родился я – немногое умел.
Рос и стоптал сто каблуков и бродней.
Да, мир за это время поумнел,
Но он не сделался добрей и благородней.

* * *

Зовите тлёю меня, сукой ли,
Но я вам, судари, скажу:
«Как лихо вы страну профукали
На иностранную лапшу».

* * *

Едут на бензине, на овсе,
Все идут, бегут куда-то все,
Даже мига нет на перерыв,
Подошли, подъехали – обрыв!

* * *

Петух сменил на троне петуха.
Хохлатки опечалились, а после
Не переставали хохотать,
Когда кружились их обоих возле.

* * *

Народ – создатель хлеба и нахлебник.
И от него стараются урвать
Правитель, вор, бандит, святой, посредник –
И прочих нескончаемая рать!

* * *

Кому б отдать желаний наших мерку –
От всей души торжественный сюрприз.
В который раз мы сдуру лезем кверху,
В который раз опять сползаем вниз!

* * *

Шендерович шандахнул!
По РФ он так шарахнулся,
Что попятались кресты
От него на полверсты.

* * *

Я не Ургант и не Стас,
Не стучусь ни в чьи вороты.
То, что вижу я сейчас,
Неприятно мне до рвоты.

Была ли
Отечественная война?
Была! Но кому о ней память нужна?
Кто хочет прошлое одушевить,
Того, как пса, начинают травить.

Была ли Отечественная война?
Была! Но память о ней сведена
К холуйским строкам,
Отвлечённым, безликим.
И скоро забудут о дне Великом
Победы!

Была ли победа?
Была! И умрёт со смертию деда –
Последним бойцом Великой войны?!
Забудутся павшие в битвах сыны,
Забудутся воины горькой России...
Но время опомнится:
Придет Мессия!
Подъемлет Крестом свой сияющий Меч –
И сбросит всю одурь с погнувшихся плеч!

О Юные! Знайте: сегодняшний день
От бывшей эпохи – лишь слабая тень.
Была ли Отечественная война?
Была! И не воинов бывших вина,
Прошедших от Волги до Вислы – и дальше,
В ликующих ныне безумье и фальши!

Была ли Отечественная война?
Была! И пребудет во все времена
Победа величия Духа и Доблести
Над ложью, кощунством и воем чиновности!

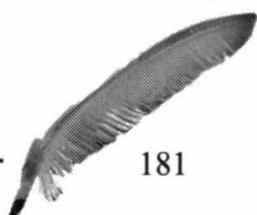
2002 г.

Для меня – здесь уже ни-че-го!
Я живой, но уже: из бывших...
Вожделено смотрю на погост:
Сколько там их, когда-то любивших.

Всё истлело,
Сгорело дотла...
Лишь душа за душою мятётся, –
И – светло! Потому что – светла,
Потому что душа – капля Солнца!

2003 г.

Как славно дышится зимой,
Когда летит снежок-волшебник;
Когда морозец молодой
Едва скрипит; зелёный ельник
В снегу, как в белых парусах,
Готовый к дальнему отплытью;
И кедр в молочных небесах –
Вперёд смотрящий в тех лесах –
Застыл, подвергнутый наитью.

Не видно белок. Воробыи
Как будто в рот воды набрали.
Как над восторгами любви
Приспущено крыло печали.
Притих, приbralся Божий мир,
Весь в ожидании зачатья...
Лишь нету мира меж людьми –
Меж ними войны и проклятья.

2003 г.

Ограда –
Прожилины, доски
И врытые в землю столбы.
И вертикально – полоски, –
Просветы вдоль всей городьбы.
Видно сквозь них,
Что творится
Там, за оградой, внутри...
Так вдоль страны и граница:
Разглядывай, лезь и бери!

Так вот и наши плечи:
Бразброску,
Бразлад,
Браскид.
Так от беды человечьей
Кто наш очаг защитит?

Как между плеч,
Так и в душах –
Щели. И в них – сквозняки...
Редко кто из идущих
Достоин пожатья руки!
И просияет радость,
Когда мы – каждый – поймём:
Спасенье – в сплошённой ограде,
За которой –
наш с вами
Дом.

2003 г.

Много врагов у России
Внешних! Но больше своих,
Выросших здесь; и чужие –
В злобе покладистей их.

Так при любом режиме!
Пеструя в сердце яд,
Как они перед чужими
Мажут тебя и хулят.

Будто во всём ты повинна,
Встала им поперёк;
Будто их пуповина
Тяжче твоих тревог.

Гляну на них – и не вижу;
Где-то толкутся в ногах,
Но стервенят, будто грыжа,
Тупо проникшая в пах.

Телеэкран – как глаз Циклопа;
Перемешались в нём хитро
Обрывки плача,
Смеха,
Трёпа
И вывернутое нутро
Страны –
Со всею нашей мразью:
И доморощенной, и той,
Что ухайдакала Евразию
Своей весёлой пустотой!
В мозги внедрила пляс и похоть,
Разгул,
Разврат,
«Поля чудес»
И как величие эпохи,
Международный сплин и секс!..
И наша – так сказать – элита,
Наверно, тем войдёт в века,
Что превращается в бандита,
В кориды стонущей быка,
В эпоху бешеного волка,
Которым русская земля –
Предмет насилия и торга,
А не «отечески поля».
Могучее теченье рынка
Играет попранной страной...
Москва жиরует! А глубинка
Глотает слёзы со слюной.

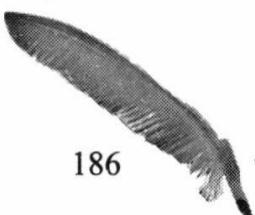
2004 г.

Была надменною, строптивой;
Не замечала никого;
И вот судьбе её счастливой
Пришёл конец. Никто его
Не ожидал. Судьба лишь знала,
Что дама круто вознеслась
И, как карающее жало,
Употребила свою власть.

И женщина, с цветущим видом –
Теперь с печальным и больным,
Припоминала все обиды,
Что прежде нанесла другим;
Теперь она их целовала
И повисала на плечах...
Но радости не прибывало,
И блеска не было в очах.

2004 г.

ВО ТЬМЕ

Я в ночь смотрю:
Какая тьма кругом;
Как призраки перед лицом мелькают:
То вдруг они топочут под окном,
А то бесследно где-то пропадают.

Что это? Духи ли терзают мир,
Или мой мозг спустился в преисподню?
Или рок тёмный овладел людьми
Вот в этот миг, вот в этот час, сегодня?

Ответа нет, сколь ни смотрю я в ночь;
Мой разум гаснет, как свеча без воска.
Не могут звёзды даже мне помочь,
И далека ещё зари полоска.

2004 г.

О МРОТ

Мрут от МРОТ
Каждый день...
Сколько морд
Ушло в тень,
Снявши куш
С нищих душ?

Дума Дум –
Болт в резьбе,
Где твой ум
Об избе?
С этим МРОТ
Боль да грусть;
Мрёт народ,
Гибнет РУСЬ.

2004 г.

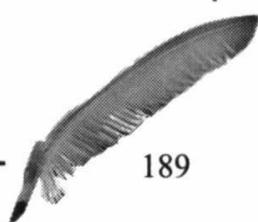

СКВОЗЬ ШИПЫ

Не презренные, не кокотки,
Мы с тобою, друг, одногодки.
Ты – столичный, я – периферийный:
Я – фиалковый, ты – феерийный;
И в одни мы ступаем броды:
Где богини и где уроды;
Где размен души на бездушье,
Где и кляузы, и удушье;

Но и где – как небесный проблеск –
Вдруг взойдёт человечий облик!
Он идёт, он толпу раздвигает
И себя за тебя подвергает
Или выстрелу, или виселице;
Он вошёл и уже не выселится
Из души твоей, из сознания...
И не ищет себе признания!

2004 г.

СОРОКИ

Ильичу, что на площади города,
Три сороки присели на темя
И болтают со зла и от голода:
«Что за жизнь? Что за чёртова время?!»
И стрекочут: «Коль были б Вы живы, —
Не легла бы под стрижку страна;
Да и нам бы досталось поживы:
Русь вовеки на корм не бедна —
Но хитёр и лукав Сатана!

Беспризорники вкупе с бичами
С нами в драке за мусорный сброс;
Получился, сказать между нами,
Как меж кошками и мышами,
Политический перекос!
А богатые и олигархи
Всё гребут с требухой и костьми.
Непотребное времечко архи,
Насторожились патриархи:
Нет ни мира, ни ладу с людьми...»

Вдруг разжались чугунные губы,
Будто топнула гвардии рать,
И возвысился глас меднотрубный:
«Полегли? Не мешайте стоять!»

2004 г.

КАМЫШИ

Пошатнулись мои камыши,
Искра божия с неба упала.
На обломках вселенской Души
Что-то радужное просияло.

И меня, как шальная стрела,
Бесшабашная мысль осенила:
На краю мирового села
Предпоследняя радость почила.

А последняя в лунных лучах
Уходила от злых домоганий,
И в её овражнённых очах
Чахли искры земных состраданий.

Уходила она второпях,
Натыкаясь на камни ругательств,
Унося на согбенных плечах
Непомерную гору предательств.

Тишина, как в библейской глуши.
От любви отвернулась удача.
От рыданий вселенского плача
Пошатнулись мои камыши.

2004 г.

Сурово надвигается конец
Каким-то монстром в ореоле пыльном.
И я пойду уже не под венец,
А под венки на холмике могильном.
Отстанут униженья и долги;
О, как щедра на них была эпоха!
Но говорю я сам себе:
«Не лги!
На этом свете жить не так уж плохо!»
Ходи по росам,
Слушай соловья;
Как в очи милой, вглядывайся в звёзды...
Пройдут твоей дорогой сыновья,
Своей стопой перемеряя вёрсты.
И так переходя из века в век
С одним желаньем:
Сделать что-то лучше,
Истрачивает силы человек –
Но всё по-прежнему,
А кое-что и хуже.
И потому, прощаясь навсегда,
Я повторю лишь истину столетий:
– Всё загрязненней суша и вода,
И превзойдут отцов в злодействах дети!

2005 г.

Всё продано:
И плоть моя, и кровь;
Всё отдано –
Спасает лишь любовь.

Всё предано:
И родина, и мать –
И некому
Руки своей подать.

Всё пропито.
И выпит – океан.
За что Господь
Оставил россиян?!

2005 г.

СТАРЫЙ ГРАЧ

Сидел он,
Словно свёрнутый калач
Из чёрного – поры военной – теста.
До слуха доносился чей-то плач,
Неведомо, с какого только места.

Вертел он головой туда-сюда
И крылья расправлял,
Не отрываясь,
Наверно, вспоминались те года,
Когда, могучий,
В воздухе купаясь,

В десяток взмахов стаю настигал;
Какие там выписывал он петли,
Каких молодок там он чаровал!..
И вот – один;
Землисто-чёрно-светлый...

Подслепою он крутит головой;
Вдруг каркает
И вскидывает крылья.
Как бы прощаясь с небом и землёй,
Срываются –
И падает в бессилье!

2009 г.

(Из газет)

Произошло всё на мосту:
Мешок на голову надели,
Как часовому на посту.
И вот он в ледяной купели.

И пережив смертельный шок,
Он как-то вырвался на волю
И на страну надел мешок,
И глад, и мор пустил по полю.

Она с тех пор и по сей день
Прийти в себя никак не может
И бродит, как ночная тень,
И плачет тишину тревожит.

2005 г.

Дни безрадостны и хмуры.
И чем дальше, тем хмурей;
Поостыли балагуры,
Разлетелись стаи фей.

Не погода и не ветер
Мысли пасмурной вина,
А угрюмая на свете
Краткой жизни тишина.

Удушающею пеной
Надвигается она,
И сникает постепенно
Жизни звонкая струна.

Утекает всё бесследно
В Лету, коей нету дна;
Вот и поворот последний,
Вот и край, и — зга одна.

2005 г.

Чего вам надо?
Я же не мыслитель.
Я – каменщик, познавший красоту.
Меня сюда с небес послал Спаситель
Познать грехи и подвести черту.

Я презираю мира суету
За то, что он
Не права охранитель,
А кляузник, похабник, искуситель,
Так должно прибегающий к кресту;

За то, что в нём слова благоволят,
Но в каждом слове скрыты ложь и яд!

2005 г.

Неприкаянный между вами,
Постигаю азы искусств,
Выговариваю словами
Налетевшие краски чувств.

Даль разглядываю двояко:
И снаружи, и изнутри;
Посмотри на меня, Иаков,
И печальные слёзы утри.

2005 г.

Нет.

Весной ещё не пахнет,
Хоть в преддверии – апрель.
Как мороз под утро жахнет,
И кукожится капель!
И сосульки бахромою
Над карнизами висят,
И под огненной зарёю
То мерцают, то звенят.
Воробы не кажут носа,
И ворона – редкий гость.
Таянье не началось:
Зимний наст ещё – что кость!
Солнца северного око
Из – под лба на всё глядит;
Почки спят ещё глубоко,
Как младенцы на груди.

2005 г.

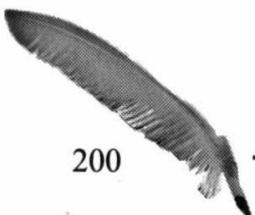

Облетели листья.
Облетели...
И деревья стали так бледны,
Что на их на узловатом теле
И рубцы, и шрамы все видны.
Даже, если листья бушевали
Под ветрами, пенясь и шурша,
Этих ран они не обнажали,
Тайною своею дорожа.

Так на сердце жизненные драмы
Оставляют весь в порезах след.
Если б кто взглянул на эти травмы, —
Тот бы и обжёгся, и ослеп.

2005 г.

Дождик сеет сквозь мелкое сито,
Как хозяйка муку для лапши,
Без громов, замолчавших сердито,
Без ветров, заплутавших в глухи.

Отпустил он сопутников буйных
Отдохнуть от извечных трудов,
И без их выступлений бравурных
Моет крыши больших городов.

А в лесах, на полях, на полянах,
Где так вовремя каждый глоток,
Окропляет рукой неустанной
Каждый листик и каждый цветок.

Словно знает: вот выгляднет солнце
И проверит работу его,
И вдогонку светло улыбнётся
Из-за выпуклых мокрых стогов.

2005 г.

Как ни кичись ты, человек,
Своим величием в природе,
Ночь для тебя долгая, как век,
И ты её заложник вроде.

Особенно, когда гроза
И у громов разгар пирушки,
Не знаешь ты, куда глаза
Девать, вминаясь в пух подушки.

И вот ты перед нею весь
Беспомощность собою множа!
И вмиг с тебя сползает спесь,
Как со змеи сухая кожа.

2005 г.

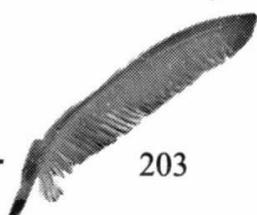

Дождик пролился...,
Совсем небольшой.
Но как ожил мир, как вокруг посвежело,
Словно кто-то небесной душой
Коснулся природы иссохшего тела.

Посланцы неба – дождинки – горят;
В них солнце вложило сапфиры и яхонт,
Рубины пролил в них вечерний закат,
Крылом расплеснувшись над волнами пахот.

Уж ночь наплывает в луне и звездах,
Вдыхая земли ароматы живые,
И как бы взглянуть на вымокший прах,
Нет-нет да вспыхнут глаза грозовые.

2008 г.

Писатель в стол — я вечно занят
Одною мыслию простой,
Что неизбежно меня ранят
На жизни лестнице крутой.

Я вижу, как вонзится пуля
Под левое в груди ребро;
Как подо мною рухнут стулья
И на стол выпадет перо;

И как домашние вернутся
И будут недоумевать:
Кто мог души моей коснуться,
Кому на жизнь мою плевать?

Я вижу: как сырую яму
Скорей торопятся зарыть;
И вижу в небе свою маму,
Но как ей трудно говорить.

2006 г.

И вот я через месяц – дома!
Меня встречают сын, жена.
В груди неясная истома,
В окне двурогая Луна.

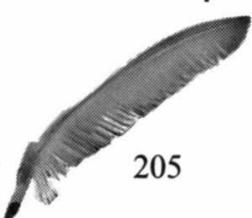
Я медленно иду по хате.
В глазах разреженный туман.
За ним – фигур каких-то рати,
Как наркотический обман.

Вдыхаю тёплый дух ковриги,
Присевшей солнышком на стол.
С меня больничные вериги
Сползают, словно произвол.

От них я телом отделяюсь,
Освобождаюсь от всего
И к новой жизни возвращаюсь,
Ловя ладонями огонь.

И ярче не было дня в мире,
И раздвигая мрака сеть,
Душою прикасаюсь к лире,
Но загорюсь ли, чтоб запеть?

2006 г.

Не ухожу я от печальных дум:
Они меня питают тихой скорбью.
Они везде, где есть древесный шум
И где навек прощаются с любовью.

Я захожу, где гуще и тесней
Стоят деревья, - словно рать Олега!
О, если бы сюда забраться с ней
Для чистого и брачного ночлега.

Но знаю я, что этому не быть –
И тихо скорбь на душу наплывает,
И вновь и вновь собой напоминает,
Как тяжко в мире без любимой жить.

2006 г.

Вхожу я в бор и трепещу:
А вдруг из чащи выйдет леший?
Куда я от него пущусь?
Куда я среди леса – пеший?

Ведь каждый куст и каждый шип
С меня срывать одежду будут;
Ни мухомор, ни белый гриб
Не обнадёжат меня чудом

На то, что я под их зонтом
Укроюсь, пережду, покаяюсь,
Что я ни завтра, ни потом
В глухом лесу не заплутаюсь,

Что я в него и не зайду,
Что за сто вёрст его объеду!..
О Боже! засвети звезду,
Чтоб мне вернуться хоть к обеду!

2006 г.

О, девочка! Небесное дитя!
Тебе три годика. А может, и четыре.
Весь мир с тобой в игре, любуясь и шутя,
И ты, как мотылек, в прекрасном этом мире.
Мелькаешь средь цветов метёлкою кудрей
Ковыльной белизны с пучком в них алых маков,
Счастливей нет тебя, и нет тебя щедрей,
Цвет неба над тобой повсюду одинаков.
Ничто твоей души не может огорчить.
Ты так мала ещё и о душе не знаешь;
Услышишь где-то плач — и вмиг летишь лечить,
Тебе лишь ведомо, как боль ты заживляешь.

Но год от года ты всё выше над землёй,
Из возраста того ты переходишь в школьный;
Сокрыт в тебе огонь, как угли под золой,
Что ждут, когда и их коснётся ветер вольный.
Но ветра ждать, увы! — совсем короткий счёт!
До трёх не досчитать, а он уж пред тобою:
Порывистый, крутой, он гладит и сечёт!
И даже за стеной нет от него покою.
Бровей прямую нить он радугою гнёт
И колыхает грудь забавами простыми;
И полная Луна тебя порой гнетёт,
Блуждая по лицу лучами золотыми.
И рушится твой мир устойчивый досель,
Небрежно идеал души твоей искомков.
Но вопреки всему, как белая метель,
Ты краше и смелей выходишь с-под обломков!
Уж юноши, твоих отметив стройность ног,
О доме забывают и о хлебе...
Из гадкого утёнка — дай-то Бог —
В красивую ты вырастаешь лебедь!

И... выросла!.. И мир совсем иной
Вокруг тебя толпится и хлопочет:
Людская глухомань – китайскою стеной,
И ложь слашавых слов – темнее южной ночи;
И голубые, розовые сны
Подёрнулись действительности мраком.
Так поле, полыхающее маком,
Вдруг стынет, как обратный бок Луны.
И обратились вёсны твои в грязь,
Как после ливня чернозём дорожный;
И даже нежелающий, глумясь,
Тебя рассматривает с похотью острожной.
И вот в прекрасный сад, что накануне цвёл,
Ворвался чёрный вихрь, ломя всё по-музицки,
Прошёлся по тебе как плугом – и ушёл,
Не отблагодарив ни взглядом, ни улыбкой...

И опустилась мгла до уровня земли.
И ты печальных глаз не поднимаешь к небу,
Где боль твоей души оплачут журавли
И унесут с собой как горькую нетребу.
На ветхости дерев повис косматый мох,
Торопятся к реке ручьи воды подталой...
О Женщина! Твой век – хорош он или плох,
Он кончился, и для тебя его не стало!
Напрасны все твои потуги и тщеты,
Уверенности ноль в желаемом исходе...
Так ждут участия подгнившие кресты,
Но гордый взор людской их стороной обходит.

2006 г.

День к концу пришёл.
И вечер
Заступил в свои права.
Мне теперь заняться нечем —
Исколол я все дрова.

Мой топор звенел, как голос,
На руках в зенит взлетал,
Словно пелось мне — кололось:
День колол и не устал.

То-то дело, если любишь,
То и делаешь с душой!
А иначе — силы губишь,
И себе, и всем — чужой.

2006 г.

Разгулялась выюга,
Режет, как огнём,
Первого июня,
Первым летним днём.

Белые метели
Хлеще, чем зимой
Лезут во все щели,
Бьются головой.

Ничего не видно.
Жёсткие струи,
Как там ни обидно, —
Позвончей струны.

Дух и глаз — счастливы,
Всплеск душевных сил...
Здорово, красиво
На святой Руси!

2007 г.

Тихо на улице. Тихо.
Медленно падает снег.
Боль моя, ты не расти хоть,
Не отболеешь за всех.

Боли на нас свалились,
Беды на нас сошли.
В чём-то мы провинились:
Может, совесть сожгли?

Так в безответной думе
Мучаюсь и живу;
И ничего нет угрюмей,
Как слушать людскую молву.

2007 г.

Давай-ка, Никон,
Не будем хныкать;
Будем творить,
Пока жизнь горит.

Зиждется мир
На фальшь – законах;
Будем людьми
Даже при оных.

Затмила мгла
На небе просинь:
За горы зла
Когда-то спросят.

2007 г.

Еду воздухом подышать.
В городе – бескислородно.
Рвётся в отрыв душа
От дрязги международной.

От «ледниковых» периодов,
От всевозможных «звезд»,
От политических вывертов –
В дым и зелень берёз.

От «бабок» Регининых,
От скалящихся кошар –
В жар гроздей рябиновых,
В заревой пожар!

Отдышусь там немножко
И вновь вернусь
В город от сладкой морошки...
Какая грусть!..

2012 г.

Теперь уж всё прошло,
Всё пронеслось,
Далёко...
И голос чудный твой давно я позабыл,
И грустно так,
И страшно одиноко
Как будто я один среди пустых могил.

Душа моя летит в неведомые дали.
Ей грустно средь людей, болтающихся зря;
Средь смеха и забав
Ей хочется печали,
Восторги ей несёт вечерняя заря.

И хочется ей жить не в суете, а обочь,
И веровать, что есть святые небеса;
Но некому прийти страдающей на помощь,
И некому открыть
На гордый мир глаза.

И потому она
Ждёт тихой звёздной ночи,
Где нету ничего, но таинства полны,
Горят над всей землёй страдальческие очи,
И слух мой ловит звон неведомой струны.

Мне сладко сознавать,
Что я тех звуков пленник,
Что мой остывший взгляд не трогает иных...
Вот так среди цветов
Стоит один репейник –
Неведомых невест
Неведомый жених.

21.01.08 г.

Я к телу осин прикасаюсь.
Ладони вбирают тепло.
О сёстры родные, я каюсь:
Греховны и дух мой, и плоть.

Я в бездну, во мрак опускался,
Питая заблудшую плоть,
И с дьяволом слабо сражался,
Не мысля его побороть.

За слабость и за опущенье
Наказан я грозной рукой:
За грех мой молите прощенья,
Пусть небо вернёт мне покой.

Я чувствую, как ваши токи
Смягчают недуги мои,
Порою ко мне вы жестоки,
Но сердце к вам полно любви.

2009 г.

Закон извечный бытия
И изменять его не в силе:
Сегодня ты, а завтра я
Прильнём к тоскующей могиле.

Пусть я сегодня; завтра ты:
Ведь время с вечностью – едины.
И надмогильные цветы
Уже уложены в корзины.

Закон – увы! не изменить.
И, укрощая свои бредни,
Давай друг друга не винить,
Кто из нас первый,
кто – последний.

2009 г.

Целый день в борьбе с собою.
Силы стали уж не те.
Что-то чувствую душою
В непроглядной темноте.

Но не вижу и не слышу.
Отзовитесь: кто такой?
Может, луч присел на крышу
И беседует с душой?

Мне от этого не легче.
И незнание гнетёт.
Ах, Звезда! Как ты далече...
Вяло, глупо жизнь течёт.

2009 г.

Растекается пространство,
А дорога уже, уже...
Я живу в потоке странствий:
Мне не лучше и не хуже.

Хорошо ли – много денег?
И безденежье не лучше.
Я в людских блуждаю дебрях,
Ищу выход... Лес всё глуше...

Как величественны ели,
Как дубы аналогичны.
Неужели в самом деле
Те, что ниже их, бёзличны?

2009 г.

Ветер тучи разгоняет,
Раздувает паруса,
Путь он солнцу расчищает:
— Приходи, моя краса!

Дует влево, дует вправо,
Крутит вихри в облаках:
— Приходи, моя забава,
Я развею этот прах!

Он работает сердечно
И не ведает того,
Что при жизни быстротечной
Сам он есть дитя его.

2009 г.

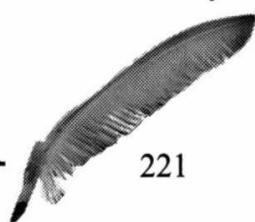

Скоро солнышко садится,
Звёзды выйдут погулять;
Счастлив я: могу трудиться,
Что ещё себе желать?

Коль работаю, то значит:
Есть энергия во мне.
А удачи, неудачи,
Как и всюду по стране.

Суёта, нерасторопность
Отойдут и отомрут.
Не заглядывайте в пропасть –
Верьте в разум свой и труд.

2009 г.

О, прадеды-родители
Весёлых русских свадеб
И горе-предводители
Теперешних усадеб!

Что мыслят ваши темечки?
Куда ведут вас ножки?
Под лысиной – не семечки,
Под кудрями – не плошки.

И мы за вами топаем,
Ругаемся, судачим...
Сначала громко хлопаем,
А после горько плачем...

2009 г.

Наползает гроза,
Давит страхом меня,
Как ночная гюрза
С-под колодного пня.

Вот она. Не уйти.
Полыхает кругом...
И гюрза на пути –
В кольца свившийся ком.

Вспомнил мать, и отца,
И пророков святых
И в преддверье конца,
Как разбойник, притих.

2009 г.

В небе луч золотой
То умрёт, то блеснёт
И по сонным глазам
Как ножом полоснёт.

И гнетущая тьма
Вдруг кольцом обовьёт,
Задыхается грудь,
Сердце стынет и мрёт.

Я едва волочусь,
Сам не зная куда,
И всю тяжесть валю
На худые года.

Да они ли виной,
Что я скомкан и хил,
Что лишился совсем
И рассудка, и сил?

Мне бы, радуясь, жить,
Песни чудные петь
И в дороге-пути
Невзначай умереть.

2009 г.

У меня в лесу есть домик.
Неказистый, два окна.
Ничего в нём нету,
Кроме
Домотканого рядна.

Да скрипучего топчана
Из нестроганных досок,
Да истёртого романа
С тайным смыслом между строк.

Да широкой русской печки,
Сам которую сложил;
Да живой воды из речки.
Кто бывал, тот жадно пил.

Да того иного малость,
Без которого в лесу
Жизнь не то чтобы не в радость,
А в цветную полосу.

А какой роскошный воздух —
На живых цветах настой!
А какие в небе звёзды,
Хоть всю ночь под ними стой!

А к рассвету жемчугами
Росы стылые шуршат,
Словно шепчут что устами,
Луч блеснёт — заговорят!

И когда отворишь двери,
Глянешь в утреннюю синь,
Солнце лезет красным зверем
Из-под сосен и осин!

2009 г.

Запечалилась моя вербушка.
Нету зёрнышка, нету хлебушка.
Только дождичек с неба льёт да льёт,
Только с горюшка мужик пьёт да пьёт.

Сколько сил отдал; обустроился;
Накатился вал – покоробился
Его крепкий дом; прахом в прах упал;
Посмотрел мужик – горько зарыдал.

И махнул на всё он своей рукой,
И пошёл туда, где вино рекой.
Без желанья пьёт – сам себе чужой,
Поглядит кругом – и хоть волком вой.

2009 г.

Господь зовёт, а дьявол держит,
Как бы пытая на разрыв.
Уже свет божий – солнце – брезжит,
Уже в окне зари разлив
Обохривает стены хаты,
И птичий говор верещит...
А в двери ломится сохатый –
Дверной косяк в рогах трещит!
И я стою, окаменевши,
Опоры ищет падший взгляд:
Душа на свет летит, прозревши,
А тело пятится назад.
Под этой тягой непомерной
Я – как изгой, как идиот;
Сжигает разум мой «неверный»,
А душу ангел стережёт.
О Боже, видишь: я рыдаю.
Освободи меня от тяг,
Позволь, где ходишь Ты по краю,
Приблизиться хотя б на шаг.

2009 г.

Две тысячи девятый год!
Он – юбилейный год Сургута
И Пушкина. В эти минуты
Бурлит на площади народ,

Приветствуя Его и город,
Собравшиеся не на суд,
И тот, кто стар, и тот, кто молод,
Любовь к подножью их несут.

И я, ничтожный, тля слепая,
Я тоже юбиляр в сей год,
И восторгаясь, и сникая,
Лечу в людской водоворот,

В его могучее круженье,
В его кипящий водоём –
И помню лишь об их рожденье,
И забываю о своём.

2009 г.

В Сургуте больница —
как Ницца!

Внутри и вокруг – несть числа
Спешащим сюда подлечиться,
Поправить для взлёта крыла.

И доктор спешит их послушать
И срочные меры принять.
Но кто же заглянет им в душу?
Кто душу сумеет понять?

2009 г.

Я прохожу с мечтою к Богу
Среди лесов, среди полей.
Пошли мне, Господи, дорогу,
Что кратко этой тяжелей.

Душа, и ум, и сердце рады
Твоё решение принять;
И никакой за то награды:
Мне это всё как благодать.

2009 г.

РАЗДУМЬЕ

О Русь моя – берёзовый рассвет!
Предмет любви,
Предмет моей печали:
В тебя влюблён с младенческих я лет
И в старости пылаю, как в начале.

Звенит ли жаворонок в небесах,
Во ржи ли перепел подружку кличет,
Роса ль в моих осела волосах,
Иль ветерок речной камыш колышет;

Иль васильки, напившись синевой,
В полях блистают лоскутками неба,
Иль пчёлы хороводят над травой,
Отыскивая капельушку «хлеба»;

Иль колокол, разливши звон кругом,
Зовёт в приход за ближних помолиться,
Или в железных латах летний гром
Летит на огнекрылой колеснице;

Иль журавли, рыдая над селом,
Прощаются – и, может быть, навеки:
Теперь село само идёт на слом,
Родства с собой не видя в человеке...

Всё ты, всё ты!
В пожарищах, в кострах,

В заброшенных погостах и крестах,
То в песнях вся, а то в слезах от горя;

Святая и в немыслимых грехах,
Переживая нищету и страх,
Терзаешься,
Сама с собою споря...
Всё ищешь Путь,
А он – в твоих истоках:
В Любви, в Молитвах и в Трудах Высоких.

2010 г.

Поём мы славу убиенных.
А тех, кто рядом, кто в живых –
Людей простых, обыкновенных,
В упор не видим таковых.

Как будто знали – и не знаем,
Как будто видели – и нет.
Потом себя самих терзаем,
Да где он, промелькнувших, след?

И так – всё мимо, мимо, мимо!
Когда ж осмотримся вокруг:
Как холодно, как нелюдимо,
И никому не брат, не друг.

2010 г.

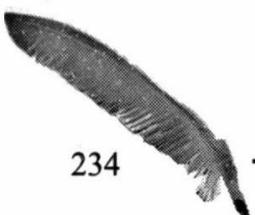

Принёс я розы положить на гроб
Во имя той любви, которой больше нету.
Уже не плачу я, не плачу, чтоб
Смотреть на ту звезду,
На ту планету.

Я в небе их ищу отчаявшимся сердцем.
В такой беде оно прозорливее глаз;
Я слёзы оботру тем
С гроба полотенцем –
Теперь оно одно, связующее нас.

Пока я жив,
Печаль из сердца не изыдет,
Таков закон любви в пределах бытия;
Я жду, когда твоя душа на Млечный выйдет,
Узреть, как мучаюсь и как страдаю я.

2010 г.

—————

О русская кривун-дорога!..
Летишиь, не видя никого,
И лишь у края вспомнишь Бога
И всех сподвижников Его.
И лишь у края обернёшься,
Осмотрись вокруг себя
И виновато улыбнёшься
Тому, что делал не любя;
Что мчался не по убежденью,
А так: сорвался – и вперёд!
Не зная, что не к восхожденью,
А лишь к паденью то ведёт...
И под ножом отягощенья
Я у святых хочу спросить:
Кто мог мои бы прегрешенья
Понять, проникнуться, простить.
И взглядом, как рукой погладив,
Сказать: «Иди. Не торопись.
И за оставшееся сзади
Перед грядущим повинись».
И... вот он – край!
Обрыв и пропасть!
В душе и сердце горький плач.
Но – поздно! Слышу только топот
Коней, несущих меня вскачь.

2010 г.

Памяти Андрея Вознесенского

Где-то кончается улица,
Остановились дома.
О, Стихотворец, о умница,
Преобразователь ума
В Слово свежее, звонкое,
Где вовсю мощь видна –
С хаосом, с великой стройкою
Да за плечами с котомкою
Вздыбленная страна!

В ней обрывается путь твой:
Душа летит в небеса,
Где обнаружится путевой
Вспышкой её краса.
Плачь, скорби, Переделкино!..
Эпохи втиснув в года,
Жизнь свою прокрутил, как кино,
И ушёл навсегда.

2010 г.

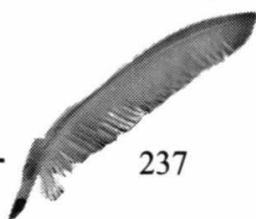
Скрылись все видения в тумане,
Словно уличённые в обмане.
Увели за край Земли молву
И закрыли в сумрачном хлеву.

Сторожей поставили. Стоят,
Чтобы к ней ни дух ничей, ни взгляд.
Ждут: а вдруг преобразится кровь –
И иная народится моль?

Час проходит, год проходит, век...
«Что стоишь ты, добрый человек?»
«Жду: подходит новая мольва.
Слышу шум, да не пойму слова;

Постою ещё: а вдруг пойму:
Ох и удивлю свою куму!»

2010 г.

Уйдя от отчего порога,
Не забывай в пылу борьбы:
Нет света белого без Бога
И нет поэта без судьбы.

В холмах, огнём зари горевших,
Где человечий гвалт витал,
Из тысячи хоров гремевших
Я голос неба распознал...

Я шёл вечернею равниной.
Меня тянуло на закат,
Где за горевшею стремниной
Реки погуливал раскат

Каких-то голосов и бубнов,
Переходящих в жуткий гул,
Как надвигающихся гуннов
Через колючий саксаул...

И осенило меня: Боже,
Ты так вино своё смешал,
Что цвет лица, и глаз, и кожи –
Один сверкающий кристалл!

2010 г.

Плынут по вечерам в живой огонь заката
Станицы тёмных птиц и белых лебедей,
Сидевших на полях, овинах и на хатах,
Преобразившихся в сырую хмарь дождей.

Не ведая тревог и времени не зная,
Прилёгши на ветра, они текут, текут...
Так души умерших: иные – в кущи рая,
Иные – в чёрный ад, раскаявшись, идут.

А ты, моя душа?
Куда течём с тобой мы?
И сколько нам с тобой ещё осталось ждать,
Когда вдруг выпадем из жизненной обоймы
Холодной каплею осеннего дождя?

2010 г.

Печальны дни мои, печальны мои ночи.
Неведомо с чего гнетёт меня тоска.
От грёзы и тоски в слезах солёных очи,
В душе истощный крик:
« Жизнь, как ты далека!»

То, чем живу сейчас,
Всё мелочно и глупо.
Из года в год один, всё тот же серый день,
Всё тот же чёрный чай, подсахаренный скучно,
И обволакивающая годы лень.

Как хочется уйти!..
Но это лишь мгновенье.
И снова я тону в объятиях нуды;
Она меня сосёт, как злое провиденье,
Уходят в пустоту всех помыслов труды.

О! Вырваться б на час
Из этой мерзкой муки,
Увидеть солнца блеск,
Рассвет, росу, цветы
И должное воздать
Великой той минуте,
Явившейся Звездой средь пошлой суеты.

2010 г.

Тускнеет день,
И сумрачною птицей
Летит за лес и пропадает там.
Печален я:
Теперь повеселиться
Не по карману и не по годам.

Ушли куда-то дружеские встречи,
Когда, окончив нудные дела,
В таинственный мы погружались вечер
И в разговорах жгли себя дотла.

Кипели пеной сдвинутые кружки,
Сплетались руки в дружеском кругу;
Лукаво улыбались нам подружки,
Вина едва касаясь тенью губ.

Как лепестками роз горели лампы
И отражались в глуби наших глаз;
И полутьмы невидимые лапы
Воздушной негой обнимали нас.

Всё пролетело...
Как летело резво!
И вот седой уже, остепеняясь,
Я всматриваюсь пристально и трезво,
Оценивая тех деяний вязь.

Сменяется
Одно, другое, третье...
Всё радует, но я к ним не бегу.
С волос не в силах отряхнуть пургу,
Вспоминая милые те летья,
Я остаюсь на этом берегу.

2010 г.

Что-то теплится в груди,
Плавает овалами;
Что-то странное гудит
Там, за перевалами.

Горизонт – будто вода.
Мелкая ль, глубокая?
Что-то тянет нас туда,
Кличет – светлоокое.

Мы идём к ноге нога
Радостно, без устали.
Вот вечерние стога:
Что там? Густо?
Пусто ли?

Осмотрели и опять
К перевалу снежному
Продолжаем себя гнать
Как бы к неизбежному.

А оно, чаруя нас,
К нам не приближается
И живей от часу час
Нами забавляется!

2010 г.

К ДРУГУ

Георгию, поэту.

Мой друг!
Во время непогоды,
Когда пурге на всё плевать, –
Не лучше ль молодые годы
У тёплой печки вспоминать?

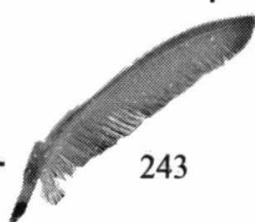
Не лучше ль:
Рейнского бутылка,
Сухих потрескиванье дров,
Закрученная в кольца дымка,
Душевно сладкая пластинка, –
Всё про одно – всё про любовь!

И ветра страстное дыханье
В живой – пока горит – трубе,
И мимолётное свиданье
В столь обожаемой избе.

Да что всё это в наши годы
Для нас, о друг мой дорогой,
Да ёщё эти непогоды,
Да очертившие невзгоды?..
Отпил стакан – налей другой.

Теперь уж ничего нет лучше:
Сидеть у печки, да мечтать, –
Да мрачные от сердца тучи
Вином весёлым разгонять!

2010 г.

Где-то тают снега,
А у нас их всё больше.
Загуляла пурга
От Сибири до Польши.

Где рассвет, где закат
И где Солнце полдневья?
Упирается взгляд
В туч небесных кочевья.

И сквозь их не видны
Ни свои, ни чужие
Очертанья страны –
Все под ними родные!

Лишь не в силах понять
Всеединое родство
Тот, кто вышел гулять,
Потеряв благородство.

2010 г.

Шагами землю меряю:
Тропинка – в три крюка;
И утекаю верою
За дальние века.

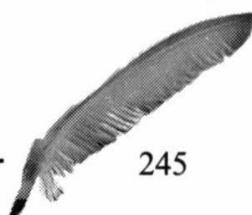
Перед глазами теремы;
Жестокие бои
Кровавыми потерями
Печалят дни мои;

Крестьянские оратаи
Кольцают борозду.
Пророки бородатые
Зажгли над ней звезду.

Приспело время отдыха
Набраться свежих сил,
От огненного сполоха
Шум в небе просквозил.

Тропа в века безмерная
Из мирных дней и битв.
А Русь стоит бессмертная
Под сводами молитв.

2010 г.

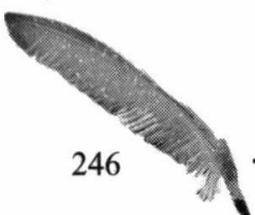

А солнышко возносится всё выше,
Всё удалённей от меня зенит;
Уж скоро, скоро птичью трель услышу,
Уж скоро жаворонок зазвенит.

Прокатятся грома по поднебесью,
Дожди прольются на покров травы,
Ручьи затянут радостную песню,
Качнут деревья кудрями главы.

И разольётся северное лето,
Красоты перед очи вознеся,
Не помня и не ведая, что где-то
Идёт зима, лебяжий пух труся.

2010 г.

Разольётся боль,
Омрачит глаза –
И попятишься
На сто лет назад.

Где он – хутор мой?
След давно простыл.
Не войдёшь домой,
Не найдёшь могил.

Не поклонишься
Отцу, матери...
Во всю ширь простор,
А как взаперти!

И – опомнишься,
Не утешенный...
Ох, ты Русь, ты Русь,
Нрав твой бешеный!

Не жалеешь ты
Своего ребра,
Не желаешь ты
Для себя добра;

Что-то выкинешь
Непривычное –
И стоишь в слезах,
Горемычная.

2010 г.

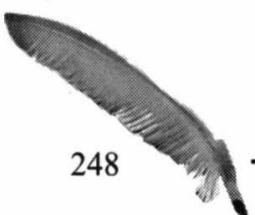
Никуда не иду,
Я уже не ходок.
Навевает беду
В две семёрки годок.

Как бы мне говорит:
Не спеши, не спеши –
Ничего не горит
На задворках души.

Да и сам вижу я,
Глядя молча в окно,
Как горели дрова
Так давно, так давно.

Сколько было всего,
Я не помню уже;
Только чую огонь
В разорённой душе.

2010 г.

Голубой платок
На твоих плечах;
Мне б вина глоток,
Чтобы не зачах.

Чтобы видел я
Дали дальние,
Дни весёлые,
Дни печальные.

Как осенний дым
Над ржаной межой –
Я тянулся б к ним
Всей своей душой.

Пусть неприбранной,
Неухоженной.
По земле родной
Много хожено.

Не боюсь я ног
Замарать своих:
На лугах-полях
Я разую их,

Чтобы чувствовать
И тепло, и боль,
Породнившись с ней
Всей своей судьбой;

И покуда жив,
И когда уйду,
Я к её груди
Грудью припаду.

2010 г.

Никак не могу разгуляться,
Гнетёт что-то душу мою.
Цветение ль белых акаций?
Обрыв ли, где долго стою?

Дорога ль, что вечно кривая?
Поросшая ль дёром тропа?
Или, нутром вызревая,
Змея у сырого столба?

Пройти бы и век не встречаться
С гадюкою этой – змей...
И только цветами акаций
Дышать в колыбели земной.

2010 г.

Грусти не грусти,
А время идёт.
Прости мне, прости
Огонь мой и лёд.

Так я устроен,
Из двух я стихий.
Мир так просторен;
Мы – чаще плохи

Друг перед другом
И перед собой;
Будто бы плугом –
Разрезан судьбой

Путь между нами –
Не перешагнуть.
Сжечься ль огнями,
В реке ль утонуть?

Не то и не это...
До смертного дня
Мучит поэтов
Мышья возня.

2010 г.

Задёргало душу,
Как вихрем стога.
Из моря на сушу
Ползут берега.

Сорвался с катушек –
Наткнулся на нож.
Любимых пампушек
Уже ты не ждёшь.

С девятого – книзу –
И вниз головой...
Хлестал по карниzu
Пронзительный вой!

Ни хладно, ни жарко
Проходит толпа:
Не больно, не жалко...
О, как ты глупа,
– ЖИЗНЬ,

Когда ты без цели,
Когда в выраже,
Когда ни купели,
Ни звона в душе, –

Лишь тёмные пятна
Исчезнувших дней...
Вперёд ли, обратно
Иль сгинуть пред ней?!

2010 г.

Поляна в росах сплошь зелёная
И хвойный лес – игла к игле,
И небо, солнцем напоённое,
В лучисто-золотистой мгле.

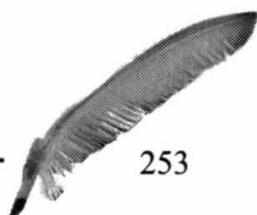
На этой белой-белой зелени,
Подобно белым облакам,
Так Господом, наверно, велено,
Вознёсся белый-белый Храм.

И купола его злачёные,
Как растворились в белизне,
Как словно куличи сырёные
В пресветлом Воскресенья дне

Для нас, живущих Православием
И верующих во Христа,
И осенённых троеразием
Животворящего креста.

Мне этот Храм как привидение,
Как вход в неведомое ТО,
Где только Свет и Откровение,
Где каждый: КТО-ТО и НИКТО.

2010 г.

Дом на окраине Твери,
Внутри лучина тлеет.
Сидит котёнок у двери.
И мчится — околеет.

Над ним незримая беда
Ночной совой витает,
И отдалённая звезда
Сочувственно мерцает.

Скребёт он лапкой двери край
И, как рыдает, дышит.
Вот так душа стучится в рай,
Да кто её услышит?

2010 г.

Затуманился взгляд,
Потемнело лицо,
Износился наряд,
И подселио крыльцо,

Где сидели с тобой,
Глядя в звёздную высь,
Где одною судьбой
Жить навеки клялись.

Чей-то голос звенел,
Сливвшись с голосом птах,
Словно песню кто пел
О нездешних миражах.

Словно звал нас к себе.
Души, соединяясь,
В беспредельность небес
Уносились, светясь...

А теперь на крыльце
Я сижу, одинок,
С равнодушьем в лице
Жду последний звонок.

2010 г.

Пасмурна даль твоя тихая,
Света нет в нынешнем дне,
Только вокруг что-то пыхает,
Отображаясь в окне.

Лица неясные около,
Дико кривляясь, галдят.
С луга доносится «ботало»
Взбрыкивающих телят.

Ни на кого не похожая,
Вера своя и стать.
Россия – избранница Божия
За всех и за всё пострадать.

2010 г.

Незатейливые виды:
Дворик, речка, берега.
Лечит душу от обиды
Вечно тайная тайга.

Подошёл я к ней с поклоном
И о здравии спросил;
Отвечала крон наклоном:
« Слава Богу, хватит сил».

День катился глыбой знойной,
Верный солнечным лучам.
И пошёл я в дом спокойно,
Улыбаясь кедрачам.

2010 г.

Не торопи меня, Господь,
В твои пределы.
Позволь мне зёрна измолоть
В благое дело.

Стремился к делу я как мог,
Как мог трудился.
Хотел взойти я на порог,
Да оступился.

Казалось: сил было полно!
Но лишь казалось.
Во мне дремавшее зерно
Не просыпалось.

Пошли мне, Боже, новых сил,
Пошли уменья,
Чтоб я свой дух преобразил
В стихотворенья.

2010 г.

День приближается к закату,
Потускли блики на реке...
Всё отошло, лишь вижу хату
В моём любимом хуторке.

Мой хуторок, как гость случайный,
Посереди степей сухих
За жизнь сражается отчаянно
И не сдаёт чужим своих.

Народец в нём не «ожи-ахи!»
Бедна, но не скупа рука:
Не пожалеет ни рубахи
И ни последнего куска.

Теперь уж нет его.
Рассыпан
Весёлый труженик-народ;
Давно беспамятством засыпан
И дом, и пруд, и огород.

И только я
В провале чёрном,
Куда заныкали страну,
Томясь в страдании упорном,
Его нет-нет да помяну.

2010 г.

Гой, чавелы!
К чёрту грусть!
Закружитесь в танце!
Русь моя, родная Русь
С вами не расстанется.
Да и как от вас уйти?
Кто утешит душу?
Век вы с нами по пути
В море и на суше.

Бог нам дал одну судьбу,
Дал одни желания,
Бесшабашную гульбу,
Песни да страдания!
Бог нам дал одну страну,
Дал мечту летучую,
Да гитарную струну,
Звонкую, певучую.

Гой, чавелы!
Чаше дробь,
Забирай проходом:
Или к славе, или в гроб
Пред честным народом!
Помни и не забывай
Вьюгу соловецкую,
В страстном танце проявляй
Удаль молодецкую!

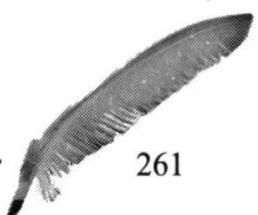
2010 г.

Дорогам нашим нет конца,
На их груди следы страданий.
Терзает путников сердца
Тяжелый дух воспоминаний.
Обочь всё клевер, да кипрей,
Да тёплый донник, белый, желтый,
Да нехиреющий пырей,
Да подорожник распространённый.
Из века в век трава стоит,
И корень кормит её соком...
И память вдруг заговорит
О том неведомом, далёком.
...А между клёнов и ракит,
Как объявившись ненароком,
То промелькнёт Олега щит,
То Игоря возникнет око;
То слух разрежет страшный крик,
То звон мечей, то скрежет танков,
То встанет пред тобой старик,
Из разных собранный останков...
О славная святая Русь,
Бегущая из поля зренья!
Помыслить даже я боюсь,
Что не минуешь ты забвенья?!

Вдруг ты исчезнешь, как вчера
Из набегающего завтра?
А как же эти вечера?
А пенье птиц в ночи и заутро?..
В печаль оденется душа,
Туман тоски застелет очи,
Сухим листом кусты шуршат:
— Обереги Россию, Отче!

2010 г.

И было-то четыре градуса
Тепла; и небо было ясным;
А по траве подобъем гаруса
Похрустывало что-то страстно.

Похрустывало, как просило,
Мол, не топчи мои узоры.
И этой просьбой уносило
Меня в небесные просторы.

И было так свежо, так царственно,
И предстоящие суеты
Как бы склонялись благодарственно
И подносили роз букеты.

Из-за деревьев солнце сыпало
Лучи на чистую окрестность,
Оно росу пока не выпило
И разжигало в ней оркестрость.

2010 г.

К КЕДРУ

Смотрю на кедр, что под моим окном,
Который сам я посадил когда-то,
И думаю, что скажет он потом,
Как генерал о рядовом солдате?
И я, и он глядим на этот мир
Одними восхищёнными глазами;
Всё с ним у нас – как всё между людьми,
И Божий Дух – посредник между нами.
Когда сжигает зной, когда знобит
И тучи Севера находят валом,
Никто из нас не брошен, не забыт:
Мы под одним небесным покрывалом.
Когда я сны пророческие зрю,
Когда проснусь и выхожу на воздух,
Он мне рассказывает про зарю,
Про тёплые мерцающие звёзды
И жалуется: скучно одному.
И я его прекрасно понимаю,
И упоённо лапу его жму,
И ствол его шершавый обнимаю,
И в мыслях вижу неизбежный день
Ухода моего во мглу скитанья;
Он вспомнит ли меня иль мою тень
И будет ли томиться в ожиданье?
Сейчас он машет лапами в окно,
Зовёт к себе, роскошный и игривый,
И я иду. Всю жизнь мы заодно
И потому довольны и счастливы.
Ах, кедр, мой кедр!
Ты есть живая связь,
Людей связующая поколенья;
В грядущем веке кто-то, прислонясь,
Почувствует мои прикосновенья.

2010 г.

Износились мои волосы,
Стали тоньше паутины;
Истрепались связки голоса,
Словно сети в дни пуговицы.

Ничего уж нет от бывшего:
Ни зубов, ни остроглазья,
Так прекрасно вины пившего
И Москвы, и Закавказья.

Так о странствиях мечтавшего,
Так любившего дороги.
А теперь в беду попавшего,
Оступившись на пороге.

Нету в сердце боя прежнего,
Нет загадочной улыбки –
Так меня, когда-то нежного,
Одурманил холод липкий.

2010 г.

А в небе снова чудеса!
Меняется пристрастие:
Втекает в сонные глаза
Сиреневое счастье.

Глазам отменно хорошо. —
И веки наливаются,
И что-то над моей душой
Под облако взвивается.

И я теку за ними вслед,
Теку глазами жадными;
О, сколько этих непосед
Роями блещут странными;

Фонтаны их вокруг меня!
Числа я их не выговорю.
И сам от этого огня
Останусь или выгорю?

2010 г.

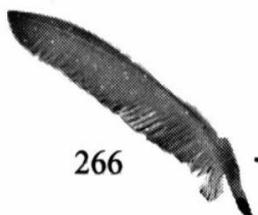

О друзьях-партнёрах

Когда нам надо — мы им не нужны.
Когда им надо — мы всегда готовы
Представить нужное
И даже край страны,
И произнесть торжественное слово.

И вот, что надо им заполучив,
Благодарят нас бормотаньем речи
И глубже прячут от дверей ключи,
Завёртывая в ласку слов — картечи.

2010 г.

Живу,
Смотрю, что под ногами
И вижу, что над головой;
Хожу и прямо, и кругами,
И восхищаюсь:
«Боже мой!

Что Ты представил человеку,
Какие звёзды и цветы!»
О человек! Идя по веку,
Достоин будь сей красоты!

2010 г.

Что красота?
Она лишь на мгновенье.
А что душа?
Душа — она — навек!
И не по внешности идёт сужденье,
А по душе: каков ты, человек?

Черты лица испепеляет время:
« Ах, какова она! Ах, какова! »
И где оно, восторженное племя?
И где высокопарные слова?

С уходом красоты
Упали вопли,
Подобно половодью бурных рек...
А красота души живёт и после,
Каким бы сумасшедшим ни был век!

2010 г.

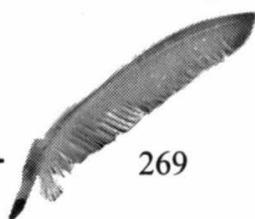

Развели мою страну,
Как водою – молоко,
Те, что сами не хлебнут,
Не обложут сами кость.

В нашей жизни всё не ново.
Восходящим на престол
Всё давным-давно готово:
В блеске повар, в блеске стол.

Лишь присядет окруженье: –
Повара уже несут
И жаренье, и варенье,
И от Бахуса сосуд!

2010 г.

Ложусь я с думою одной
И с нею же встаю:
Что для тебя я, край родной?
Былинка на краю.

Рвёт ветер, холод, бьёт гроза,
Тать тащится стоптать...
А я смотрю во все глаза:
Какая благодать!

Рокочет гром, комар звенит,
На острие луча
Росинка-капелька дрожит,
Напевами звучат.

Душа вбирает чудеса,
Что рядом и вдали;
И зарождается краса
В крови, в поту, в пыли

И пробивается плечом,
Напором борозды
И очищается лучом
Недремлющей звезды,

И перед миром предстаёт:
« Что? Нравлюсь или нет? »
И сердце, падая, поёт –
И это есть ответ!

2010 г.

А мне уютней в феврале:
Меня метелями он греет,
Несётся выюгой по земле
И на вершинах серебреет.

То в шубе тёплой, то нагой.
Что взять с него, когда с «приветом»!
Так угостит тебя пургой,
Что ад покажется рассветом!

А если три его сестры
Сойдутся за одним застольем,
Да увлекутся алкоголем –
Туши небесные костры!

Они такой поднимут вой,
Такие танцы отчебучат,
Что расшибёшься головой,
Когда окажешься в их буче!

Люблю февраль!
Он близок мне
Свою удалью и дланью.
Какие пляски при Луне,
Какие скачки на коне
Он представляет Мирозданью!

2010 г.

Тучи долго стоят над водой голубою,
Над водой ключевою пробегают спеша.
Ты опять меня ждёшь над водою речною,
Куда рвётся моя без раздумий душа.

Недалёко река. Только медленно время.
Только ноги мои что-то сникли в шагу.
Эх, теперь бы коня, золочёное стремя,
Я в единый бы миг был на том берегу.

Да не знать мне пока: берег крут или полог,
Как найти, если тьма; в небесах – ни звезды;
Если миг, если час до бездущия долог,
Если нет её лика на зеркалах воды.

Ни лучей, ни зари; нету огненных полос...
Я спешу, да не сбиться б с тропинки во тьме.
Чую: будто кричу, будто слышу я голос,
Наяву его слышу или только во сне?

Не понять мне тех чар, вот и сбылся с дороги.
На кого обижаться? Кого мне пенять?
И несут меня скорбно усталые ноги,
А куда и зачем – я не в силах понять.

2010 г.

А дед мой поживает по старинке:
Не пьёт спиртного, жирного не ест.
Вчера его заметил я на рынке
В кругу таких же трезвенниц-невест.

Они винтом ходили возле стойки,
Ни в чём не уступая молодым,
И пробовали разные настойки,
И кольцами пускали в небо дым.

О, как он горячился перед ними.
Такой оратор, что твой Цицерон!
Он их кормил надеждами благими
И зазывал послушать патефон.

И шли они, покорные соблазну,
И дед их вёл, не зная сам куда.
А расставаясь, говорил: «Ну, празднуй!
Да будут вам счастливые годы».

Ах, дед, мой дед! Наверно, не заглянешь
Ты в зеркало лица увидеть цвет,
А потому не сохнешь и не вянешь,
Живёшь, не замечая своих лет.

2010 г.

Находит дождь.
Земли чернее – туча.
Крепчает ветер.
Как он ивы гнёт!
За этой неоглядностью ползучей,
Наверно, и подсолнух не цветёт.

Да! Не цветёт.
Его сломала буря
На той неделе, буйно горячая.
Отколь у ней собралась сила дурья:
Подобье солнца завалила в грязь!

Но мало кто
Об этом сожалеет.
Ведь всё равно не вызреть семенам.
Огонь здесь даже не горит, а тлеет,
Не представляя обогреться нам.

Но что поделать?
Впереди эпохи
Вот так же, как и пред концом её,
Дела настолько тяжелы и плохи,
Что рад поплакать, выпив за неё,

Да некому налить.
В своём кармане – пусто!
Как и у банка на моём счету.
Так пропадает на корню капуста,
Не одолев погоды суetu.

2010 г.

Ни вёсел нет, ни ветра,
А я плыву, плыву.
Лоскут худого фетра
Прикрыл мою главу.

Не знаю:
Есть ли влага,
В которой бьётся чёлн?
И пена, как бумага,
Шуршит на гребнях волн.

Луга цветут в ресницах,
В ушах приятный звон.
Спасибо, о царица,
За столь волшебный сон.

2010 г.

И что ни день — скорее и скорее!
Приходит ночь — и вновь покоя нет!
С того ли, что становимся старее,
С того ль, что молодёжь стучится вслед?

Иль ревность гонит нас,
Или страшнее
Её боязнь, что кто-то обойдёт?
Душа от этой муки цепенеет,
Рассудок — вон из рук — поводья рвёт!

Ругаемся, дерёмся, горячимся,
Вскипаем, как весенняя вода...
Куда-то мчимся мы,
Куда-то мчимся, —
Да только вот неведомо —
Куда?!

2011 г.

И Солнце
В три накала полыхает,
И мошкара беснуется, зудя,
И юные росточки погибают,
Не ведая с рождения дождя.

И воздух
Как на каменке поджарен:
Глотнёшь его – и лёгкие горят!
И каждый встречный как осой ужален,
И тухнет от страданий его взгляд.

И не затем,
Чтоб торговать на рынке,
А было чтоб хоть что-то бросить в рот:
– О Боже мой! Пошли твои слезинки
На мой иссохший в камень
Огород!

2011 г.

О леса мои леса,
О цветочные поляны,
К вам зайду на полчаса –
И уже от счастья пьяный!

Дух ваш – чистый алкоголь;
Пью цветочные настои –
И проходит сердца боль,
И душа цветёт в покое.

Глаз, уйдя из темноты,
Не нарадуется свету,
Где и жухлые кусты
Предались живому цвету.

Сосны стройные стоят,
И берёзы кружевные
Во все стороны глядят
И вздыхают, как живые...

Славлю день и славлю мир,
И храню в себе надежды,
Что останемся Людьми,
Даже, как сомкнутся вежды.

2011 г.

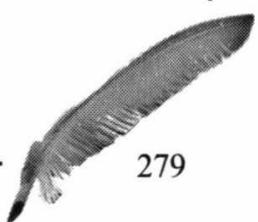
Иду тропинкой и слушаю,
Как навевает мне лес
Песенку самую лучшую,
Льющуюся с небес.

Вижу, как лебеди белые
Кружатся в танце любви;
Как соловьи очумелые
Песни поют им свои.

Как золотые букашечки —
Родственницы соловьёв —
Полнят цветочные чашечки
Песней до самых краёв.

Наше. Родное. Пригожее.
В солнечном дне ли, во мгле
Музой светлою, божией
Дышит на русской земле.

2011 г.

Воскресение.., рвусь я из города,
Из объятий пустой суеты,
Где собаки, зверея от голода,
Рвут собратьям своим животы.

Выхожу на простор, как на праздник я.
Синева.., солнца круг надо мной,
И – луга! Цветь обильная, разная:
Огоньки, василёк голубой,

Незабудки и слёзки кукушкины...
День считай – не исчислишь всего.
И любимица вечного Пушкина –
Роза – сердца живого огонь!

Я любуюсь ромашковым венчиком.
Что-то шепчет мне липы листва;
И звенит моё сердце бубенчиком
От ближайшего с ними родства.

2011 г.

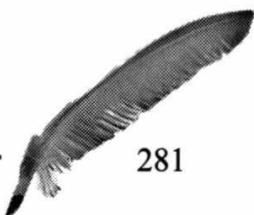
Мир поутру и ясен, и приветлив.
Восходит Солнце, улыбаясь нам,
И гладит распустившиеся ветви,
Как мать ребёнка по родным рукам.

О, это драгоценное мгновенье!
Узришь его и целый день уже,
Как ангелов небесных песнопенье
Живёт в твоей открывшейся душе.

И целый день, любовью той объятый,
Её ты будешь излучать другим;
Ты, как они, поющий и крылатый,
Хоть на Земле всего лишь пилигрим.

Во всём живом есть Божия основа,
И потому так чисто и светло.
Увянет хмель, но не увянет Слово,
Которое из сердца проросло.

2011 г.

Потенциала натиск свёрнут.
Нет вдохновения творить.
В такой мороз и мысли мёрзнут,
Что про другое говорить?

Такое, может быть, и к месту,
Но чудится финал конца, —
Как будто увели невесту
От жениха из-под венца.

Такое горестно и мрачно...
Мороз, ликующий мороз
Неотвратимо, однозначно
Из сердца все слова унёс.

Ну а стихи — стихия тоже!
И им неведом тот закон.
Они вас начисто изгложут,
Заставят выбросить всё вон!

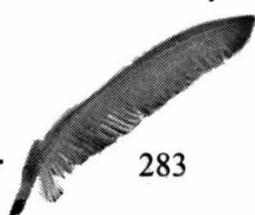
Заставят взяться за бумагу,
Перо заставят заострить
И в грудь вольют свою отвагу:
Вздыхать, и плакать, и любить.

2011 г.

Будто ничего и не было.
Разгребали куры сор.
Обратился былью-небылью
Продолжительный мой сон.
Петухи совсем состарились,
Застревает в горле дых.
Зорьку петь они оставили
Для весёлых, молодых.
Ну а те, недолго думая,
Собрались в единый миг:
В ночь осеннюю, угрюмую
Отказались от своих.
И запели на три голоса
Так, что тихое село
С люльки до седого волоса
Чёрной выюгой замело!
И не глянуть, и не выглянуть,
Нет дороженьки былой...
Только прошлое не выплюнуть,
Не засыпать след золой.
Как проливы Гибралтарские
Гонят взад-вперёд волну,
Гонят нас названья царские
В полицейскую страну!

2011 г.

Иль Божия на нас
обрушена немилость,
Иль гневом полыхнул
вселенский океан,
Достоинство славян:
добро и справедливость –
Куда-то отошли на задний план.

И монолит веков:
любовь, духовность, святость,
Державший прежде нас
на горней высоте, –
Потрескался, подгнил –
слезливая безрадость,
И нынешние мы уже не те.

2011 г.

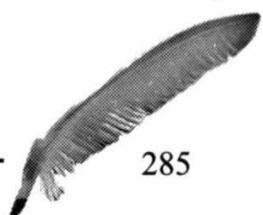
Исток.
Извилистое русло,
И устье –
Вот она, река...
И слышу из горячих уст я
Шептанье: «Нет ли огонька?»

И ярко вспыхивает спичка,
И свету от неё с ладонь,
И в мозге тенькает синичка:
«А где же дым и где огонь?»

И огонёк потух, не выдав,
Потёмками объятых лиц;
Лишь всколыхнул несметно видов
В ночи живущих небылиц.

Они прошли к клетки мозга
И скрылись в аспидной воде...
Речушка-то совсем не Волга –
А и в такой бывать беде.

2011 г.

Собралось мира воронье.
Явился Дьявол — предводитель,
Поднял железное копьё
И подал знак: «Пора! Делите!»

Огня, подобного тому,
Уже давно не полыхало;
Он раздирал ночную тьму —
И это было лишь начало!

То был к собранию сигнал.
Со всех сторон они летели
На долгожданный карнавал
И злой чёрною кипели!

И даже утро не могло
Остановить их и отбросить.
О, как же торжествует зло!
О, как оно крушит и косит!

2011 г.

ЗАГОГУЛИНА

И вот – теперь мы все электорат.
А где же русские? Где ж россияне?
Но тот, кто термин ввёл,
До одуренья рад,
Что погасил российское сиянье.

Плебеи возвели его в зенит,
Впихнули в многометровую стелу.
Как высоко, как гордо он стоит,
России опустившийся Отелло!

Опомнитесь,
Принявшие престол!
Куда вы катитесь, куда страну ведёте?
Своих людей вы кровь и слёзы льёте
И дьявольский творите произвол!

2012 г.

Пришла весна! Пришла весна!
Мерцают блики колкие.
Освобождаясь ото сна,
Дышу я во все лёгкие.

Уносят ноги на простор!
Чарует Синегорие!
Какой волшебный кругозор!
Для глаз – фантасмагория!

Куда ни гляну – даль ясна
И Солнце улыбается...
Пришла весна, пришла весна,
Жизнь снова начинается!

2011 г.

Красен день. Снега по грудь.
Воздух восхитителен.
Птицу некому вспугнуть –
Каждый удивителен!

Солнце смотрит из-за древ,
Думает, наверное:
«Люди, холод претерпев,
Не упали в скверное».

Лица другу друг несут,
Светлые, открытые;
Руки другу друг трясут,
Радостью омытые.

Время движется к весне,
Дни приудлиняются.
Белка, сидя на сосне,
Тоже улыбается!

2010 г.

Девочка из Вологодчины,
Из исконных русских мест,
Где берёзой оторочено
Всё цветущее окрест.

Девочка из Вологодчины.
Говор речек, шепот трав
Помнят древнерусской вотчины
Благородный светлый нрав.

Помнят ягодники Яшина,
Сыроежечки Белова,
Не измятое, не брашное
Слово русское Рубцова.

Да весёлые припевочки,
Да протяжные страдания...
Ходят трепетные девочки
В ожидании свидания.

Заворожат хороводами,
Зачаруют красотой,
Охолонут, словно водами,
Задушевной простотой.

На причале дремлет лодочка,
Два весла — как два крыла...
Милая ты Вологодочка,
Сохрани себя от зла.

2011 г.

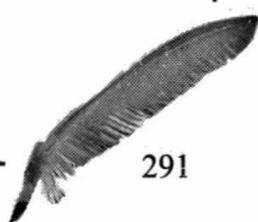
Не заслуженный, не награждённый,
Заблудившийся в духовной мгле,
В одном лишь бесконечно убеждённый:
Без любви нет света на Земле.

Да и Земля в рассветах и закатах
Не может не задуматься о том,
Что без любви к ней ангелов крылатых
Она была бы брошена на слом.

И те над нами и над ней творенья,
Что видимы, и те, что не видны,
Рождённые Господним вдохновеньем,
Одной любовью жить обречены,

И что любовь та никому не в тягость,
И жизнь, каким бы краем ни текла,
Она для каждого благая радость
Господнего безмерного тепла.

22.01.11 г.

Уже подкатывает вечер
В дрожанье розовых лучей.
Серебряный мерцает ветер
В оснеженных кудрях ветвей.

На возвышенье бор сосновый
Таит премножество причуд.
И свет из синего в багровый
Переливается в сосуд.

Заката тёплые объятья
Легли на свежие снега.
Берёзка в подвенечном платье
Ждёт неземного жениха;

Уж скоро звёзды с неба брызнут...
И ночь, божественная ночь,
Сойдёт усталый лик Отчизны
Туманом лёгким обволочь.

2011 г.

Нет – да вспомню старину:
Как далёко-далеко!
Песню что ли затянуть –
Да решиться нелегко.

Рядом – нищий да больной,
Одержаны свалкою.
Над великою страной
Горе вьётся прялкою.

То ли сказочник-прядун
Обольщён холопами?
То ли водит нас колдун
Всё лесными тропами?

То ли ритмы колеса
С песнею не слажены?
То ль у прядильщицы глаза
Не туда посажены?

Рвётся, рвётся, рвётся нить.
Пряха рассыпается.
Никого не обвинить –
Каждый надрывается!

2011 г.

Когда потомки будут умны,
И предпочтут спиртному – гумны,
И ум с гумном соединят,
Дух созиданья воскресят –
И станут в мире процветать
Любовь, Отечество и Мать!

2011 г.

Всё меньше остаётся на Земле
Её красою женской наслаждаться.
Всё ярче разгорается в золе
Тот уголёк, с которым рас прощаться.

В былое время как он согревал
Уставшее натуженное тело,
Меня он всей душою понимал,
И я его: нас наша общность грела.

И нам совсем не виделось конца
Общенью дивному на этом свете,
Покой с его и моего лица
Порою лишь сдувал наивный ветер.

Подмигивал мне, тлея, уголёк,
Как говорил: «Ну что, мол, в грусть подался».
Я благодарным взором к нему тёк
И, сглатывая слёзы, улыбался.

И чувствовал надломленной душой,
Как неизбежно наше расставанье;
И как живому говорю живой;
«Ну, будь здоров! До завтра.
До свиданья».

2011 г.

Кто-то тронет струну,
В небо звук улетит.
На Оби, на Дону
Чья-то грудь зазнобит.

Кто-то, слыша его,
Потихоньку взгрустнёт
И из-за ничего
Тихо слёзы прольёт.

Вот и думаю я:
Как могуч этот звук, –
Как из небытия
С чых-то вырвался рук

И тревожит теперь
И тебя, и меня,
Как в открытую дверь
Буйной ярью огня:

И страдают сердца,
И душа – как больной;
И не видно конца
Этой муке земной.

2011 г.

Две сестры –
Две небесных звезды –
Пока давит на плечи оскуда,
Трудный путь мой среди борозды
Освещают туда и оттуда.

Из тумана косится беда.
Но любви всемогущие крылья
Меня к свету возносят, туда,
Где божественных роз изобилье.

Как богат я!
Но лишь по цветку
Для сестёр поднесу я в даренье.
Пусть они их приколят к платку
За душевное благ сотворенье.

Ни к чему им вагон этих роз.
И в одной – Божье очарованье...
И с любовью взирает Христос
На чистейшее благодеянье

2011 г.

Грусть нагрянет —
Выйдешь на крылечко,
Сядешь и осмотришься вокруг:
Синий лес, под лесом где-то речка —
И тебя отпустит твой недуг.

Сышен шепот векового кедра
И зеленоструйный звон берёз;
Так обворожительно, так ведро,
И в ресницах бьётся стайка слёз.

Милое, любимое крылечко,
Ты всегда меня умело ждать...
Там на речке,
Там на Чёрной речке
Буду я под холмиком лежать.

До меня не докричатся грозы,
Не разбудят трели соловья,
Зацветут репейники и розы,
Но не будет в них ни капли «я».

Нам уже не встретиться с тобою,
Не поплакать, не погоревать.
Оставляю всё тебе с любовью,
Всё, чем одарила меня мать.

2011 г.

В КОНЦЕ ВЕКА

Кладбище, галки, сломанный забор...
Заброшенность, забвенье, запустенье...
Могильный пёс, как одичавший вор,
Мелькает меж кустов клокатой тенью.

Присяду у подгнившего креста...
Чей прах, чьё имя
Должен бы отпеть я?
В конце второго двухтысячелетья
Россия повторяет путь Христа.

Идёт она к голгофе, торопясь,
Неся свой крест под взрыды и под пляску.
Её в соблазн ввергает льстивый князь,
Суля за душу золото и ласку.

Долга и тяжела её верста.
И сил уж нет, и подкосились ноги.
И – сколько глаз охватит –
Пустота!
Столбы да ямы вдоль её дороги.

Её и страх, и безысходность гнёт.
Вокруг всё бесы да свиные рожи...
Нет, нет и нет!
Она не пропадёт!
Восстанет –
И врагов к ногам положит!

И воссияют лики на крестах!
В мучениях в конце тысячелетья –
Россия повторяет Путь Христа,
А он обрёл и Славу, и Бессмертье!

1989; 2011 гг.

КОТУ

Ты ушёл и не простился.
То ли не был, то ли был.
Даже в дверь не попросился.
Как я, как тебя любил.

Немяукнул на прощанье;
Нечарапнул, не лизнул,
Неставил обещанья,
ЧтоВернёшься... Улизнул.

Я же жду и жду возврата
Твоего к себе домой;
Без тебя потускла хата,
Заунывней буривой.

Как-то всё не по – жилому,
Как-то всё не по-людски;
И брожу я возле дома,
И чернею от тоски.

Стало пасмурно на даче,
Солнце ль светит, дождь ли льёт, –
По тебе хозяйка плачет,
У калитки ждёт и ждёт.

2011 г.

На Магистральной улице
У школы за углом
В кругу других тусуется
Пятиэтажный дом.

Постройка его старая,
Да молоды жильцы,
По вечерам с гитарою
Гуляют молодцы.

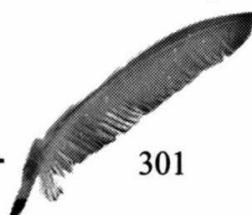
Окно в нём неприметное,
Как тысяча других;
За тем окном заветная
Краса очей моих.

Не знаю её имени,
Не знаю, как узнать,
Под взглядами взаимными
Кой-что я мог понять...

И вот однажды вечером
Я шёл мимо окна.
Рукой, как делать нечего,
Махнула мне она.

Я долго не раздумывал –
Влетел в чужой подъезд,
Где вдумчиво покуривал
Подвыпивший сосед.

Открыла дверь – и светится,
Сияет как заря;

Взгляд за ресницей теплится,
О чём-то говоря.

Взяла за руку, томная,
И повела с собой,
И что-то неуёмное
Вдруг овладело мной.

И шёл я, ошарашенный,
Цеплял о пол ногой
Туда, где стол украшенный
Ждал часа своего.

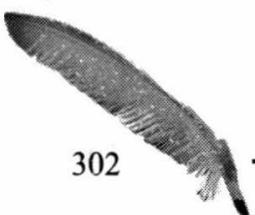
Стояли вина разные,
Закуски – хоть куда,
А очи её страстные
Горели, как звезды.

Мы с ней по первой выпили,
Налили по другой
И вспыхнули, как вымпелы
Над бездною морской.

Что дальше – трудно помнится...
Но, видимо, давно
Луна – любви угодница –
Смотрела нам в окно.

Я помню дом тот каменный,
Рябину под окном;
Как ласкова, как пламенна
Была хозяйка в нём!

2012 г.

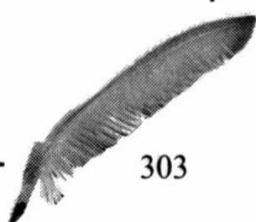

Мне ваша нравится походка,
Она стремительна, легка.
Так за любимым перепёлка
Уносится за облака.

Я издали любуюсь вами,
Спешащей грусть свою излить.
Но что в душе моей –
Словами
Не передать, не объяснить.

Как сердцу хочется сорваться
От суеты и от хлопот;
И выхожу я любоваться
На ваш задорный лёгкий ход.

2012 г.

Мне уж некуда идти.
Гляну недалече:
Надо мной Луна блестит,
Обнимает плечи.

Вечер кончился давно.
Звёздный мир всё ярче.
Только на душе темно
Да умерших – жальче.

В чаще этих мыслей, дум
Я как потерялся.
И как индивидуум
С истиной расстался.

Потому и не спешу,
Прохожу вразвалку.
Я огонь в себе тушу
В помошь катафалку.

Хоть спеши, хоть не спеши,
Задохнись хоть в беге,
Жизнь придётся завершить
В гробе на телеге.

2012 г.

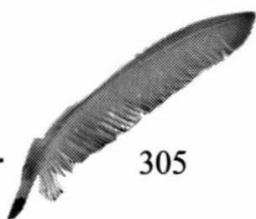
Туманна жизнь моя; туманны мои мысли.
Несспешно я иду в неведомую даль;
А тучи надо мной, как пауки, повисли,
И душу бередит туманная печаль.

А было так светло, когда я шёл на встречу,
И образ ваш моих очей не покидал,
Я видел вас, как в тот благословенный вечер,
Который стал для нас началом всех начал.

Но жизни колесо не терпит направленья;
Согласное сперва – меняет резко путь,
И рушится любовь, и вязнет пробужденье,
И падает душа, и горько плачет грудь.

Теперь во мне ничто не тронет ваше имя,
И голос чудный ваш навеки отзвенел,
И больно говорить, но наравне с другими
Я вас ничуть ничем обидеть не хотел.

2012 г.

Грех и святость в душе их острожной.
Тьму и звёздность в себе неся,
Не любить их почти невозможно,
И любить их, как любят, —
Нельзя!

Анна,
Софья,
Мария.
Марина;
Что ни имя — бездна и блеск!
Ни небес, ни земли не отринув,
Всё вобрали: и громы, и плеск;

Шепот трав и подземные гулы,
Ярость солнца и нежность рос,
И тяжёлый замах Калигулы,
И воздушную лёгкость Пьера;

И идут к нам, ни в чём не повинны,
По воспрянувшей воле крови,
Словно дети милы и наивны,
От предчувствия вечной любви.

2012 г.

Лебеда моя, лебёдушка,
Зелена ты, зелена.
Положу в ладонь три зёрнышка
И присяду у окна.

Надо мною клён кудрявится,
Белолиствем шелестит;
В красном солнышке купается
Да за мною всё следит.

И никто его головушку
Не поймёт, не обоймёт...
Только соловей-соловушка
Свою песню пропоёт.

Пропоёт её былинную,
Может раз, а может два...
Вижу я дорогу длинную,
По обочине трава.

Вижу я дорогу длинную,
Не пройти по ней назад;
Вижу горькую, полынную
Скорбь да траурный наряд.

Лебеда моя лебёдушка,
Чтоб не плакать, слёз не лить,
Я б хотел до светла донышка
Грусть-печаль свою избыть.

Да никак не получается.
Никого нигде вокруг.
Только клён стоит, качается,
Верный мой, мой старый друг.

2012 г.

Оглавление

«Не утихает дождь на улице...»	4
«Куплю пальто из дерматина...»	5
«Всё труднее даётся шаг...»	6
«Ветер воет и зло, и отчаянно...»	7
«Я знаю много истин на земле...»	8
«Зелёный мир...»	9
«Нет уже ни любви, ни желаний...»	10
«О, лучеликая Россия...»	11
«Когда ветер вокруг неистовствует...»	12
«Отчего скворец поёт...»	13
«Как кричали, как кричали...»	14
«Дай мне руку, дай мне белую твою...»	15
«На деревьях всё больше ржавости...»	16
«Ростов. Казачество. Блокада...»	17
«А ты ласкай меня, ласкай...»	19
«Ещё я с вами не прощаюсь...»	20
«Когда-то жил художник – Рафаэль...»	21
«Обращение к реке...»	22
«С холма на холм бежит дорога...»	24
«Я сделал только первый шаг...»	26
«Бегут валы за валом вал...»	27
«И пою я про то, что пою...»	28
«Что оставил людям, уходя...»	29
«Будто всё, как и надо на свете...»	30
«Я прожил жизнь не по призванью...»	31
«Пустыни в скорбь сжигают лица...»	32
«Мои прекрасные друзья...»	33
«Дорогие мои проказники...»	34
«Идут три женщины...»	35
«Опять осенние мороки...»	36
«За туманы, за лапы веток...»	37
«Рок ли это?...»	38
«Ночь надвигалась...»	39
«На мир, закрывший веки...»	40
«Никак мне в мире не понять...»	41
«Кремнистые скалы...»	42
«Твой лик печален и печален голос...»	44
«Кавказ бурлил...»	45
«Никак не нагляжуясь в твои глаза...»	46
«От суеты, от разговоров...»	47
«Вы простите меня...»	48
«Девчонки подрастают, как грибы...»	49
«О, как бескрайно, бесконечно море...»	50
«Уж был я немолод...»	51
«Усталость – как конечный результат...»	53
«У России очи сини...»	54
«Печаль не скрыть пустой улыбкой...»	55
«А ветер с визгом вырвался...»	56
«Я буду умирать и улыбаться...»	57
«Пришлось мне видеть радости и боли...»	58
«Уходила – обдавала...»	59
«В вечерних небесах вечерний сумрак стыл...»	60
«Милая, что же ты, что же...»	61
«Трава чиста, как девичья улыбка...»	62
«На берёзы, на речку...»	63
«Ни огорченья, ни унынья...»	64
«Зари вечерней красотою...»	65
«И пошёл я от Серапиона...»	66
«Живу надеждой и любовью...»	67
«Как стану старым я и скверным...»	68
«О, вечереющее небо...»	69
«На янтарных кустах облепихи...»	70
«Был вечер тих...»	71
«Ах, Наталья – Наташка...»	72
«Настанет час, мои друзья...»	74
«Хочу быть в горе одинок...»	75
«Это озеро талой воды...»	76
«Не прошедши нищету...»	77

«Врезая синь воды и солнца блики...»	79
«Душа устала, тело вянет...»	80
«День, а что-то вечереет...»	81
«И понял я...»	82
«Не суждено мне сердцем разобщённым...»	83
«Я не люблю компаний шумных...»	84
«Ах, какая ядрёная...»	85
«Опять дожди...»	86
«Ах, поспела, совсем поспела...»	87
«Ключие листья осота...»	88
«Смотрю на небо...»	89
«Зима пришла...»	90
«Снова снег пробила трава...»	91
«Синий вечер проплыл в тумане...»	92
«Даль то туманна, то ясна...»	93
«Иль поэтом я родился...»	94
«Прошла вторая половина лета...»	95
«Есть проблеск декабря и в первом дне осеннем...»	96
«Нет в жизни выходного дня...»	97
«В природе что-то назревает...»	98
«В мире большом и хорошем...»	99
«Железо не восславлю я...»	100
«Ничто меня не беспокоит...»	101
«С улыбкой скажете: «Не прав!»	102
«Звёзды смотрят на Землю...»	103
«Уж полночь...»	104
«Печаль приходит не одна...»	105
«Пыл поутих...»	106
«Открывают мир не дважды...»	107
«День начинался необычно...»	108
«Привет! Привет из дальней дали...»	109
«Ей живётся ни горько, ни сладко...»	110
«Солгавший раз – не прогнет и другой...»	111
Проезжий	112
«Две души родных...»	113
«Не скажу тебе имени...»	114
«Что такое небытие...»	116
«Привет тебе, старый армеец...»	117
СЫЧИ	118
«Я слышал голос, странный голос...»	119
«Как будто и нет ничего...»	120
«Развернули, разворочали...»	121
«Может, рад ты, может, не рад...»	122
«Кругом вражда и произвол...»	123
«Христос воскрес от смерти к жизни...»	124
«Опять слова...»	125
«Вот и осень...»	126
«Я вас чуть-чуть опередил...»	127
«Итак, проживаю в гостях...»	128
«Эх, какими красивыми были...»	129
«Услышит, имеющий уши...»	130
«Ночные небеса, – какая красота...»	131
«Куда не обернусь...»	132
«В тишину, в тишину углублюсь ...»	134
«Как в кадушке растворилась...»	135
«Жена верна, иль неверна...»	136
«Рванулись и – остановились...»	137
«Море солнца, море юга...»	139
«Вот этот уголок...»	140
«Не спи, не спи до третьих петухов...»	141
«Что женщина, коль нет яичников...»	142
«Эта чёрная ночь...»	143
«Берег плоский, как ладони...»	144
«Мафиозный бакинец в Иркутске...»	145
«Не спою я больше песен...»	146
«Улетела и не вернулась...»	147
«Когда вождям невмоготу...»	148
«Нет оправданья нам...»	149
«И стал сгущаться полурак...»	151
«Голова моя, что ли свихнулась...»	152
«В небе железное звяканье...»	153
«Какие нынче облака...»	154
«С тобой мы на окраине России...»	155
«В дни непогоды глухие...»	156
«Всё идёт прекрасно...»	157
«Хотел убить я комара...»	158

«Опять случилось что-то с проводами...»	159	«Как не кичись ты, человек...»	202
«Всё кончено.		«Дождик пролился...»	203
Не вспыхнет буйный взгляд...»	160	«Писатель в стол – я вечно занят...»	204
«Бурлит приезжими столица...»	161	«И вот я через месяц дома...»	205
«Леса и сада безлистость...»	162	«Не ухожу я от печальных дум...»	206
«Да! Нету у него жены...»	163	«Вхожу я в бор и трепещу...»	207
«Не вкушай и на зуб не пробуй...»	164	«О, девочка! Небесное дитя...»	208
«Перестали сниться друг другу...»	165	«День к концу пришёл...»	210
«Я совсем ухожу...»	166	«Разгулялась выюга...»	211
«Вожди нас бросили во тьму...»	167	«Тихо на улице. Тихо...»	212
«Когда в вашем сердце живёт Божий дар...»	168	«Давай-ка, Никон...»	213
«Да, ты, Америка, права...»	169	«Еду воздухом подышать...»	214
«А после первых петухов...»	170	«Теперь уж всё прошло...»	215
«Как мне хочется руки разжать...»	171	«Я к телу осин прислоняюсь...»	216
«Люблю весну в начале ноября...»	172	«Закон предвечный бытия...»	217
«Вот я в гости пришёл к воробью...»	173	«Целый день в борьбе с собою...»	218
СТРОФЫ	174	«Растекается пространство...»	219
«Была ли Отечественная война...»	180	«Ветер тучи разгоняет...»	220
«Для меня здесь уже ничего...»	181	«Скоро солнышко садится...»	221
«Как славно дышится зимой...»	182	«О, прадеды-родители...»	222
«Ограда: прожилины, доски...»	183	«Наползает гроза...»	223
«Много врагов у России...»	184	«В небе луч золотой...»	224
«Телезкран – как глаз Циклопа...»	185	«У меня в лесу есть домик...»	225
«Была надменною, строптивой...»	186	«Запечалилась моя вербушка...»	226
«Во тьме...»	187	«Господь зовёт, а дьявол держит...»	227
О МРОТ	188	«Две тысячи девятый год...»	228
Сквозь шипы	189	«В Сургуте больница – как Ницца...»	229
Сороки	190	«Я прихожу с мечтою к Богу...»	230
Камыши	191	Раздумье	231
«Сурово надвигается конец...»	192	«Поём мы славу убиенных...»	233
«Всё продано...»	193	«Принёс я розы положить на гроб...»	234
Старый греч	194	«О, русская кривун-дорога...»	235
«Произошло всё на мосту...»	195	«Где-то кончилась улица...»	236
«Дни безрадостны и хмуры...»	196	«Скрылись все видения в тумане...»	237
«Чего вам надо...»	197	«Уйдя от отчего порога...»	238
«Неприкаянный между вами...»	198	«Плынут по вечерам в живой огонь заката...»	239
«Нет. Весной ещё не пахнет...»	199	«Печальны дни мои...»	240
«Облетели листья...»	200	«Тускнеет день...»	241
«Дождик сеет сквозь мелкое сито...»	201	«Что-то теплится в груди...»	242
		К ДРУГУ	243

«Где-то тают снега...»	244	«И солнце в три накала полыхает...»	277
«Шагами землю меряю...»	245	«О леса мои леса...»	278
«А солнышко возносится всё выше...»	246	«Иду я тропкой и слушаю...»	279
«Разольётся боль...»	247	«Воскресение...рвусь я из города...»	280
«Никуда не иду...»	248	«Мир поутру и ясен, и приветлив...»	281
«Голубой платок...»	249	«Потенциала натиск свёрнут...»	282
«Никак не могу разгуляться...»	250	«Будто ничего и не было...»	283
«Грусти не грусти...»	251	«Иль Божия на нас обрушена немилость...»	284
«Задёргало душу...»	252	«Исток. Извилистое русло...»	285
«Поляна в росах сплошь зелёная...»	253	«Собралось мира вороньё...»	286
«Дом на окраине Твери...»	254	ЗАГОУЛИНА	287
«Затуманился взгляд...»	255	«Пришла весна...»	288
«Пасмурна даль твоя тихая...»	256	«Красен день...»	289
«Незатейливые виды...»	257	«Девочка из Вологодчины...»	290
«Не торопи меня, Господь...»	258	«Незаслуженный, не награждённый...»	291
«День приближается к закату...»	259	«Уже подкатывает вечер...»	292
«Гой, чавелы...»	260	«Нет – да вспомню старину...»	293
«Дорогам нашим нет конца...»	261	«Когда потомки будут умны...»	294
«И было-то четыре градуса...»	262	«Всё меньше остаётся на Земле...»	295
К КЕДРУ	263	«Кто-то тронет струну...»	296
«Износились мои волосы...»	264	«Две сестры – две небесных звезды...»	297
«А в небе снова чудеса...»	265	«Грусть нагрянет – выйдешь на крылечко...»	298
О друзьях-партнёрах.....	266	ПУТЬ	299
«Живу, смотрю что под ногами...»	267	КОТУ	300
«Что красота?...»	268	«На Магистральной улице...»	301
«Развели мою страну...»	269	«Мне ваша нравится походка...»	303
«Ложусь я с думою одной...»	270	«Мне уж некуда идти...»	304
«А мне уютней в феврале...»	271	«Туманна жизнь моя...»	305
«Тучи долго стоят над водой голубою...»	272	«Грех и святость в душе их острожной...»	306
«А дед мой поживает по старинке...»	273	«Лебеда моя лебёдышка...»	307
«Находит дождь...»	274		
«Ни вёсел нет, ни ветра...»	275		
«И что ни день – скорее и скорее...»	276		

Михаил Антохин

Моя лирика

---

*Дизайн и компьютерная верстка –
Татьяна Михайлова*

Подписано в печать 10.08. 2012. Формат 70x100/32.
Гарнитура «JornalC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,5. Тираж 500. Заказ 178.

Отпечатано в ООО «Зауралье»,
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.
E-mail: zpress@pkzaural.ru

